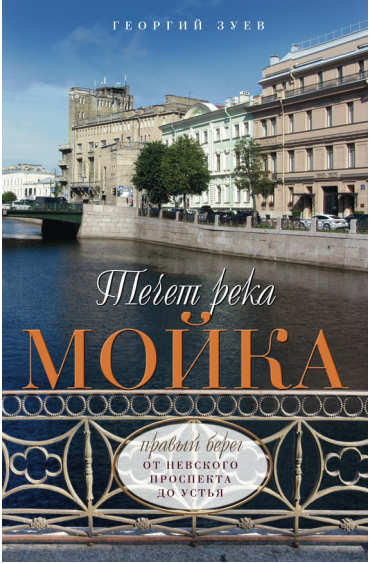

Георгий Иванович Зуев
Течет река Мойка. Правый берег.
От Невского проспекта до Устья
Серия «Всё о Санкт-Петербурге»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9825538

*Г. И. Зуев. Течет река Мойка. Правый берег. От Невского проспекта до Устья: Центрполиграф;
Москва; 2014
ISBN 978-5-227-05513-2*

Аннотация

Предлагаемая читателям публикация логически завершает цикл из трех книг, посвященных Мойке. В первой пройден маршрут от истока до Невского проспекта, вторая провела читателей по левому берегу вниз по течению от Зеленого моста. В третьей путь начинается от того же моста, но проходит он вдоль правого берега...

Основным принципом отбора объектов, эпизодов и персоналий для каждого очерка этой книги Георгий Зуев избрал не формальную их принадлежность к конкретному участку на берегу реки, а историческую значимость и культурологический интерес. Дом Чичерина, особняк Руадзе, торговый дом у Красного моста, дома Министерства государственных имуществ у Исаакиевской площади, обезглавленная бывшая Реформаторская церковь, Крюковские морские казармы и, наконец, загадочная Новая Голландия... Один перечень интригует, а у каждого потрясающая история, полная неожиданных поворотов и неизвестных ранее деталей.

Автор надеется, что представленные в заключительной книге материалы помогут увлеченным отечественной историей и равнодушным к городу на Неве лучше узнать Санкт-Петербург, ибо нет необходимости говорить, что нельзя любить город, не зная его истории.

Содержание

От автора	5
На берегу столичного приграничья	14
Временный Зимний дворец Елизаветы Петровны	27
Дом генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга Н. И. Чичерина	41
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Георгий Зуев

Течет река Мойка. Правый берег. От Невского проспекта до Устья

Автор идеи Дмитрий Шипетин

Руководитель проекта Эдуард Сироткин

© Зуев Г. И., 2014

© ООО «РТ-СПб», 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

От автора

Предлагаемая читателям книга логически завершает две ранее опубликованные работы автора о примечательной реке центрального района Санкт-Петербурга. Публикуемые здесь исторические очерки и этюды посвящены прошлому и настоящему правобережья городского водоема от Зеленого моста до места его впадения в Большую Неву.

До основания Петром Великим Санкт-Петербурга эта местная болотистая речка долгое время носила ижорское название Муя, была весьма загрязнена илом и протекала среди непроходимых топких мест и торфяной трясины. Берега Муи стали осваиваться в первые годы строительства Петербурга. Этот местный ижорский водоем, получивший тогда новое название Малой речки, или Мьи, по указу русского императора очистили от многовекового ила, грязи, расширили русло реки и впервые укрепили деревянными щитами ее топкие берега. В 1711 году для осушения значительной части территории нового столичного города прорыли канал, соединивший Мью с рекой Фонтанкой. Протяженность очищенного от ила водоема с расширенными и укрепленными берегами составила свыше пяти километров, и на плане Петербурга 1716 года видно, что извилистое русло реки Мьи проходило через центральную часть нового столичного города, омывая с южной стороны Адмиралтейский остров, в непосредственной близости от первой государственной верфи.

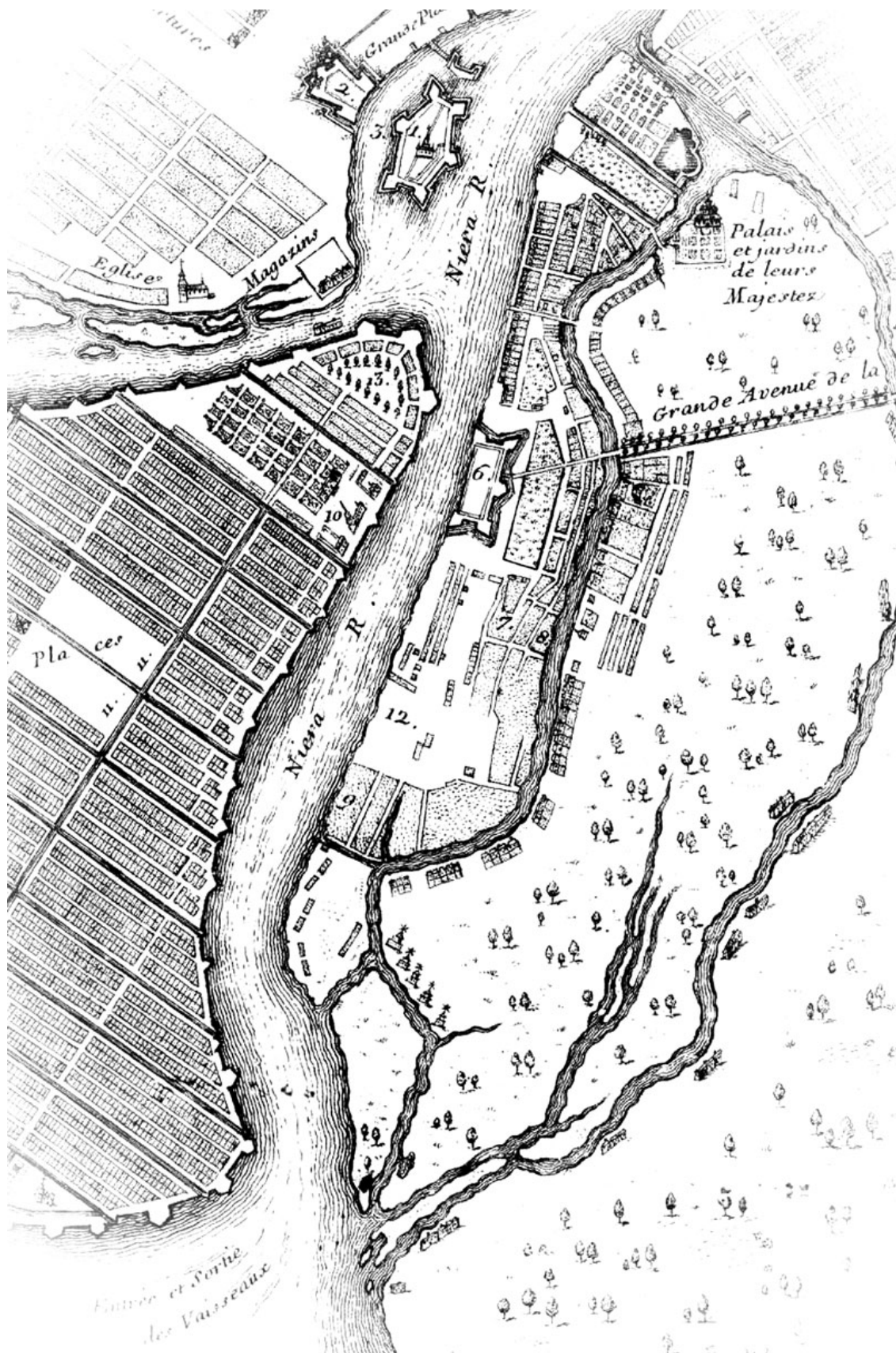
Проект Адмиралтейства, а точнее его «рабочий чертеж», составил сам император Петр I, потребовавший в ноябре 1704 года, чтобы Адмиралтейство – вторая по своей огневой мощи военная крепость новой столицы Российской империи – было одновременно приспособлено «для строения боевых кораблей». Корабельную верфь по распоряжению царя надлежало «строить внутри территории Адмиралтейства».

Около половины боевых линейных русских кораблей первой четверти XVIII века – 23 из 48 судов – сошло в то время со стапелей Адмиралтейства. Среди них особенно выделялись такие морские гиганты отечественного флота, как 92-пушечный «Гангут» и 90-пушечный линкор «Лесное».

Современники, русские и иностранцы, признавали весьма высокое качество российских военных кораблей – быстроходных, маневренных и достаточно устойчивых. Следует отметить, что в начале XVIII столетия, в первые годы своего строительства, новая российская столица являлась весьма небольшим городом. В районе Адмиралтейства он занимал площадь от Большой Невы до реки Мьи, а у Смольного, на Выборгской стороне и у Литейного проспекта располагались малочисленные разрозненные поселения, окруженные вековыми лесами, болотными топями и заливными лугами.

Большинство отечественных историков довольно убедительно полагают, что становление и развитие новой имперской столицы на первых порах действительно шло довольно хаотично и стихийно. Этому объективно способствовали многочисленные и достаточно веские причины, продиктованные тяжелым бременем и затратами по ведению Северной войны, а также неблагоприятными условиями выбранной императором местности для возведения Санкт-Петербурга (огромные заболоченные площади земель, требующих капитальных мелиорационных работ). К этому добавлялись периодические катастрофические наводнения с тяжелыми разрушительными последствиями и глобальных размеров стихийные опустошительные пожары, нередко охватывавшие центральные районы Северной столицы.

Камер-юнкер Ф.-В. Берхгольц писал в своем дневнике: «Здесьняя земля из-за сырости ничего не родит». Иностранцы полагали, что «...если случатся затруднения в привозе в столицу продовольствия, то город окажется на грани голода».

Река Мойка. Фрагмент плана Санкт-Петербурга, 1717 год

Любопытно отметить, что первые основательные жилые строения появились в Санкт-Петербурге вначале именно на правом берегу реки Мьи в 1705 году, на участке между

нынешним Невским проспектом и Исаакиевской площадью. Это были сравнительно небольшие деревянные дома, построенные для офицеров морского флота, корабельных мастеров и специалистов Адмиралтейской корабельной верфи.

Природные условия этого участка правобережья Мойки уже тогда потребовали от строителей, подрядчиков и рабочих особой тщательности и осмотрительности при закладке фундаментов жилых зданий. Их закладка требовала довольно глубоких траншей, в землю первоначально приходилось забивать деревянные сваи, а затем уже сооружать фундамент из путиловских плит. Первые жилые дома на правом берегу реки Мьи от Большой перспективной дороги (будущий Невский проспект) вниз по течению по приказу Петра I необходимо было «ставить в четкую линию, особым порядком». Красили дома тогда преимущественно в светлые тона. Категорически запрещалось «пестрить дома и всякое строение краскою... ибо их надлежало окрашивать ровно и прилично». На каждого владельца одновременно возлагалась обязанность укрепления топких берегов сваями и содержание в надлежащей чистоте участка берега реки в пределах своего жилого строения.

План Санкт-Петербурга 1716 года свидетельствует, что на правом берегу реки располагалась и так называемая Греческая слобода, в которой обычно селились капитаны и боцманы, прибывшие на жительство в русскую столицу из средиземноморских европейских портовых городов. К сожалению, в 1737 году эта слобода с ее домами была полностью уничтожена опустошительным пожаром, поглотившим тогда почти все строения правого берега реки Мьи.

С момента начала строительства Северной столицы правый берег реки Мьи и ее набережная становятся первой городской границей. В 1717–1718 годах в месте пересечения водоема с первоначальным отрезком Большой перспективной дороги, в ее створе, построили деревянный подъемный мост, выкрашенный в яркий зеленый цвет. Вероятно, приметная окраска этого мостового сооружения через реку позволила в дальнейшем назвать первый приграничный мост Петербурга Зеленым мостом, который до 1726 года не только выполнял важную роль переправы через городской водоем, но и нес ответственные многочисленные функции военной пограничной заставы и обязанности таможенного пропускного пункта в российский столичный город.

В первые годы нового XIX столетия с планов и карт Санкт-Петербурга исчезает официальное название реки Мьи и появляется ее сегодняшнее наименование – Мойка, представлявшее переосмысленный вариант старого названия древнего водоема.

Преобразованный отрезок правобережья реки Мойки от Зеленого моста до ее устья, ровесник Санкт-Петербурга, представляет собой немалый исторический интерес. По нему можно проследить весь процесс развития центрального района Северной столицы, ее замечательных ансамблей, знаменитых строительных шедевров отечественного зодчества, особенности эпохального строительства особняков и жилых домов, получить возможность представить себе жизнь и судьбы живших и работавших здесь в разные годы поколений наших сограждан. Облик этого романтического отрезка правого берега реки Мойки менялся вместе с ростом и развитием нашего города. С годами чередовались поколения горожан, возникали новые общественные потребности и задачи. На набережных правого берега этого городского водоема возводились новые здания, сносились и перестраивались ранее возведенные строения. Со временем изменялась и сама архитектура домов, следуя велению новой строительной моды и требованиям владельцев зданий. В разное время над строительством домов правого берега реки Мойки трудились знаменитые зодчие, авторы архитектурных шедевров, возведенных на этом ограниченном отрезке правого берега старинного водоема.

В границах рассматриваемого в настоящей книге отрезка правого берега реки Мойки до нашего времени сохранились некоторые образцы документального подтверждения уникального творческого таланта отечественных архитекторов. На месте снесенного времен-

ного Зимнего дворца императрицы Елизаветы Петровны, на территории, ограниченной правым берегом реки Мойки и Невским проспектом, столичный генерал-полицмейстер Н. И. Чичерин в 1771 году возвел великолепный дом, ставший одним из прекрасных образцов стиля раннего классицизма, сменившего в России растреллиевское барокко.

Мойка у Синего моста

Соседний участок правобережья Мойки сегодня занимает солидное здание известного Петербургского университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича – одно из первых в стране высших учебных заведений, готовящих специалистов по радио– и радиоэлектронике. Этот огромный дом, возведенный здесь в 1850-х годах архитекторами Р. А. Желязевичем и Н. П. Гребенкой, прекрасно знали и любили петербуржцы XIX столетия. В его концертном зале, названном по фамилии владельца здания «залом Руадзе», а позднее – «залом Кононова», литературный столичный фонд устраивал прекрасные вечера в пользу нуждающихся литераторов. Здесь выступали Н. Г. Чернышевский, Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, давал концерты композитор А. Г. Рубинштейн.

В западной части Мойки, на ее правом берегу, на острове, названном в петровские времена Новой Голландией, в 1732 году построили деревянные склады для хранения и сушки корабельного леса. Проект этих весьма оригинальных складских помещений разрабатывал замечательный русский архитектор И. К. Коробов. Позднее, в 1779 году, на месте снесенных складов зодчий Валлен-Деламот возвел величественную знаменитую арку, названную «Арка Новой Голландии».

На правом берегу реки Мойки в 1840-х годах по проекту зодчего И. Д. Черника и военного инженера Посыпкина были сооружены массивные краснокирпичные здания Конногвардейских и Морских казарм. На набережной правого берега реки Мойки до наших дней сохранились три внушительных здания Военного министерства Российской империи, расположенных в домах № 65, 67 и 69.

Основным принципом отбора объектов, эпизодов и персоналий для каждого очерка этой книги автор избрал не формальную их принадлежность к конкретному участку старинного водоема, а историческую значимость и культурологический интерес. Нет необходимости опровергать мнение наших известных историков и краеведов, что городские здания

неотделимы от судеб людей, населявших некогда особняки и дома Северной столицы в разные исторические эпохи. Действительно, без них, обитавших некогда в барских особняках или доходных домах, трудно было бы понять и должным образом осмыслить этот уникальный Центральный участок Петербурга, его историю и душу.

Автор надеется, что представленные в исторических очерках заключительной, третьей книги материалы о реке Мойке помогут читателям, увлеченным отечественной историей и неравнодушным к нашему городу, лучше узнать Санкт-Петербург, ибо нет необходимости говорить, что нельзя любить свой город, не зная его и его многовековую историю.

На берегу столичного приграничья

В начале XVIII столетия в одном из наиболее живописных уголков центрального района возводимого Санкт-Петербурга располагался весьма значительный по своим размерам городской квартал, ограниченный правобережьем реки Мойи и участком Большой Морской улицы от нечетной стороны Невской перспективы до Кирпичного переулка. История этого необыкновенного квартала связана с необычайными эпохальными событиями – многочисленными и противоречивыми, сложными, а зачастую трагическими. Здесь в домах, возводимых на берегах реки Мойки, в разные годы жили и служили известные деятели отечественной политики, знаменитые военачальники, одаренные ученые, талантливые предприниматели, промышленники и всемирно известные представители российской культуры.

С момента начала строительства Санкт-Петербурга правый берег реки Мойи от места ее пересечения с Большой Перспективной дорогой – нынешним Невским проспектом – становится первой городской границей. Здесь в 1717–1718 годах, в створе Невского проспекта через реку Мойю, построили первый деревянный подъемный цветной мост – Зеленый, ставший приграничным сооружением города в сложных условиях длительной войны России со Швецией.

Перед ним установили заградительные рогатки, шлагбаумы и учредили круглосуточный воинский заслон от внезапного нападения передовых шведских подразделений. Указом первого губернатора новой столицы, светлейшего князя А. Д. Меншикова, для охраны и порядка передвижения пешего народа и транспортных средств через Зеленый мост в городе было введено обязательное ночное дежурство специальных сторожей из числа его обитателей. Подобные «караульщики» регулярно обходили приграничное побережье реки Мойи, задерживали ночью подозрительных лиц и оперативно пресекали всякое нарушение порядка.

Зеленый мост. 1808 г. Гравюра Б. Петерсона

Кстати, одобряя идею Александра Даниловича Меншикова о введении в новостроящейся столице штата ночных сторожей, ее строитель – Петр Великий – строжайше предупреждал своего любимца: «Чтобы в городе и на посаде, в улицах и переулках все было

стройно и бережно, чтобы нигде разбоя, татбы и душегубства, и иного воровства не было...».

По указу царя на приграничном правом берегу реки Мьи, неподалеку от въезда на Зеленый мост, учредили пропускной пункт с деревянным полосатым шлагбаумом для официального опроса приезжающих, осмотра багажа, проверки документов, взыскания надлежащих пошлин и установленных податей.

Регулярная контрольно-пропускная работа проводилась военным нарядом, дежурившим на Зеленом мосту. Шлагбаум обычно закрывался в одиннадцатом часу вечера. Его поднимали рано, «после пробития утренней зори». Воинские команды, несшие караульную службу у первого пограничного моста, руководствовались строгим императорским циркуляром, требующим его неукоснительного исполнения. Утвержденный Петром I документ предписывал первым российским пограничникам, «когда шлагбаум ночью опустят, в такие часы знатных персон и при них служителей пропускать с фонарями без задержания, а без фонарей не пропускать. А из подлых в такие неуказанные часы, разве кто за крайнюю нуждою пойдет один с фонарем, спрося у него по указу пропускать же, а ежели два или три человека и более из подлых, хотя и с фонарем пойдут, тех брать под караул».

И еще одна любопытная подробность из истории этого мостового сооружения. Окружающая Зеленый мост территория со временем была облюбована купцами и разносчиками товаров, превратившими ее в удобное торговое место. После очередного углубления в 1711 году русла реки Мьи товары сюда стало удобно доставлять непосредственно по воде. У торговых шалашей и лотков образовывалась неимоверная толкучка, заполнявшая не только мост, но и проезд по Невской перспективе. К тому же первоначальный Зеленый мост оказался довольно узким. В начале десятих годов XVIII столетия по его деревянному подъёмному пролету с трудом мог проехать лишь один экипаж, запряженный двумя лошадьми. Все это нередко приводило не только к нежелательному скоплению народа, но зачастую становилось причиной безжалостных, жестоких драк и кровопролитных схваток. Генерал-полицмейстер Петербурга даже вынужден был в 1718 году категорически запретить торговлю вблизи Зеленого моста, распорядиться о ее переносе в лавки и магазины и ходатайствовать перед царем о расширении проезжей части мостового пролета. Это дельное конструктивное предложение было реализовано при перестройке Зеленого моста лишь в 1735 году.

В 1730 году при подготовке к торжественной встрече только что коронованной в Москве новой императрицы Анны Иоанновны в Санкт-Петербурге на Невском проспекте у Зеленого моста возвели Адмиралтейские Триумфальные ворота по проекту работавшего в Адмиралтействе зодчего И. К. Коробова. Правый берег реки Мьи украсили многочисленными разноцветными флагами.

Триумфальные ворота, обильно украшенные богатой золоченой резьбой и скульптурными группами, представляли собой высокую трехпролетную арку с красивой башенкой на ее вершине. Центральная арка завершалась изящным резным картушем с изображением российского двуглавого орла.

В 1741 году, после бескровного государственного переворота, на российский престол торжественно вступила дочь Петра Великого – Елизавета Петровна. После главной церемонии Императорского двора – коронации в Москве – новая императрица возвратилась в Санкт-Петербург.

Ее приезд в столицу представлял собой торжественное зрелище и проходил по заранее подготовленному сценарию, названному «Диспозиция во время шествия Ея Императорского Величества Всемилоостивейшей Государыни Лизавет Петровны в Санкт-Петербурх». В документ тогда включили расписанные в деталях действия всей участников «шествия».

Для встречи государыни на Невской перспективе специально возвели две триумфальные арки – у Аничкова моста через реку Фонтанку и у Зеленого моста через Мойку. По

обе стороны Невской перспективы от Адмиралтейства до Зеленого моста замерли в почетном карауле гвардейцы Преображенского и Семеновского полков. От Зеленого моста до Аничкова выстроились гвардейские полки – Измайловский, Конногвардейский, Атаманский, Уланский и Морской экипаж, отдававшие императрице честь под громкий барабанный бой, звуки литавр и громкий пушечный салют с бастионов Петропавловской крепости и Адмиралтейства. Перед Зеленым мостом царицу приветствовали знатные русские и европейские купцы, священнослужители и семинаристы, исполнявшие «Похвальную песнь».

Государыню также встретили стройные шеренги чиновников среднего класса и звуки оркестров Адмиралтейского и Кадетского корпусов.

Торжественное шествие сопровождали музыка духовых оркестров и колокольный перезвон церквей и соборов российской столицы. Торжественные триумфальные ворота просуществовали здесь около десяти лет, с годами стали ветшать и терять первоначальный блеск, поэтому городские власти приняли решение разобрать пришедший в ветхость исторический монумент, а на освободившемся месте возвести величественные каменные ворота. В их проектировании в 1760-х годах участвовали два замечательных столичных зодчих – Б.-Ф. Растрелли и А. В. Квасов, подготовивших весьма оригинальные проекты и модели новых каменных Триумфальных ворот. Но, к сожалению, ни один из них так и не смог осуществить эту постройку.

Доменико Трезини. Фрагмент скульптурной группы «Зодчие Петербурга» в Александровском парке

Первые жилые дома на углу правого берега реки Мойки и Большой Невской перспективы появились в 1705 году. Застройка жилых строений правобережья Мойки была связана с закладкой и строительством на левом берегу Невы в 1704 году мощной по тем временам верфи-крепости. Если главное руководство Балтийским флотом и ведущие судостроители Адми-

ралтейской верфи получили дарственные земельные наделы на левом берегу реки Невы, по обе стороны от Адмиралтейства, то молодые морские офицеры, боцманы и унтер-офицеры, а также корабельные мастера и иной рабочий люд Адмиралтейской верфи по распоряжению самого Петра Великого селились в небольших деревянных домах, специально построенных для них на правом берегу реки Мьи в 1705 году.

Здания на правом берегу реки возводились по чертежам и указанию российских архитекторов Санкт-Петербурга, среди которых в первую очередь следует назвать зодчего Доменико Трезини, итальянца по происхождению, служившего в Дании и приглашенного русским царем на работу в Россию. Трезини прославился как талантливый фортификатор, ставший впоследствии первым ведущим зодчим Северной столицы, в которой он обрел свою вторую родину.

Современником Доменико Трезини был знаменитый архитектор и автор проектов первых жилых домов приграничного правого берега реки Мьи Михаил Григорьевич Земцов – любимец Петра I, выполнявший ответственные строительные поручения своего покровителя. Интересно, однако, все же заметить, что труд иностранных зодчих всегда оплачивался в России более щедро, чем русских. Если Доменико Трезини получал тогда 1000 рублей в год, то работа отечественных архитекторов ценилась в несколько раз меньше. Так, архитектор М. Г. Земцов, один из «птенцов гнезда Петрова», автор первых столичных построек и ответственных работ по планированию столичного города, оказывается, получал лишь 180 рублей ежегодно.

По мнению историка Петербурга П. Н. Столпянского, «застройка правого приграничного берега реки Мьи активно началась в 1706 году», когда сюда перенесли 23 избы для «морского флота офицеров». Жилые здания Петр I приказал «ставить в линию», четко определенным порядком, с обязательной ориентацией главных фасадов домов на реку. Последующие жилые строения правого берега также традиционно обращались к Мойке, и таким образом сохранялась узаконенная императором архитектурная традиция строительства зданий «порядками или линиями», обращенными к градоформирующей доминанте, в данном случае – к реке Мойке.

Между тем строительство Адмиралтейства, ранее предусматриваемое Петром I как судостроительная верфь с сараями, амбарами и жилыми помещениями на левом берегу реки Невы, подходило к завершению. Построенное государственными работниками или подрядом, сооружение не только соответствовало требованиям к предприятию по строительству российского военно-морского флота, но одновременно являлось мощным форпостом обороны Северной столицы и всего левого берега Невы против противника, пытающегося прорваться к Петербургу и развить наступление на столичный город.

Мощное артиллерийское вооружение укрепленных фортов Адмиралтейской верфи – крепости в любое время могло нанести сокрушительный удар по шведскому флоту в случае прорыва неприятельской морской армадой крепости Кроншлота и вторжения в устье Невы.

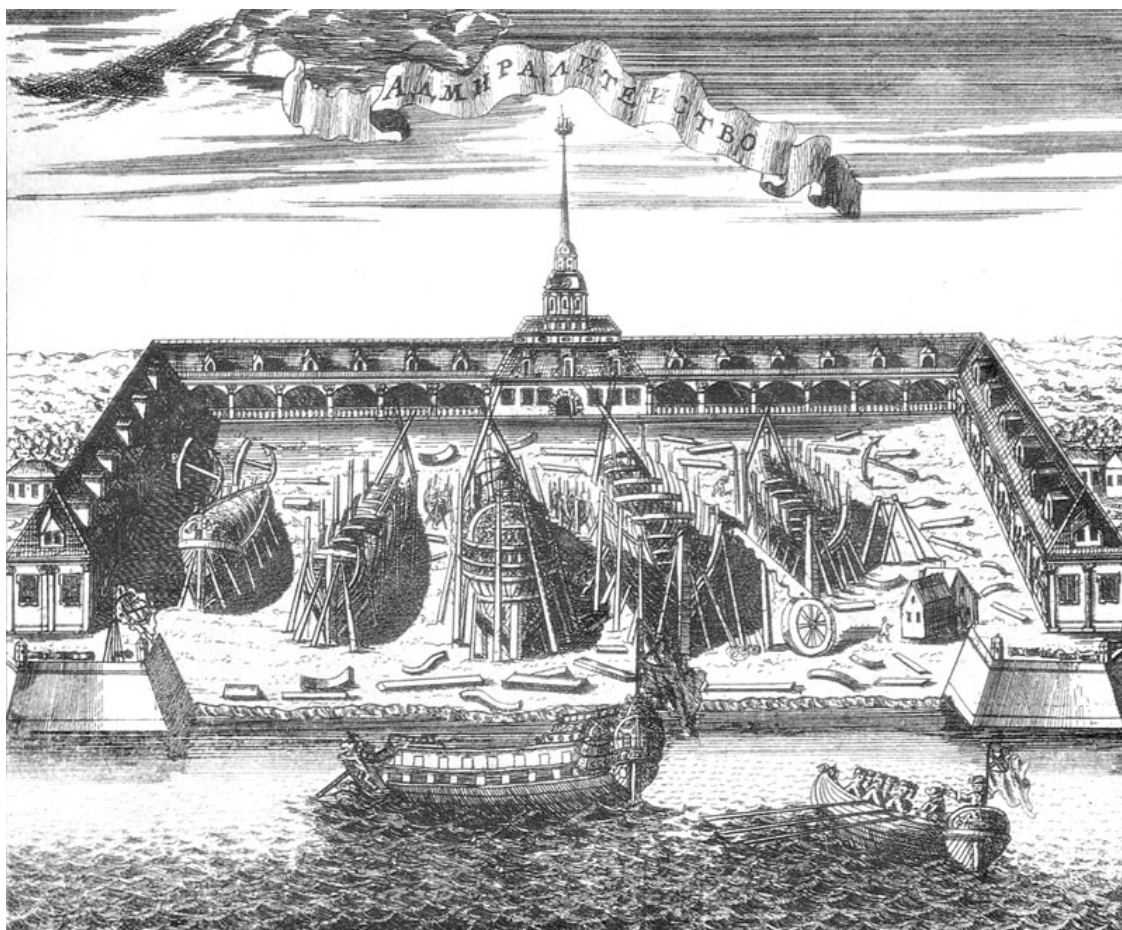
Окруженное с трех сторон укреплениями, Адмиралтейство еще до завершения его строительства приступило к сооружению первых российских военных кораблей, спускаемых на воду через открытое к Неве пространство. Строительством Адмиралтейства и первенцев российского военного флота по указу Петра I ведали светлейший князь А. Д. Меншиков и два его помощника – обер-комендант Северной столицы Р. В. Брюс и олонецкий комендант Савва Яковлев.

Строительство Адмиралтейства, верфи и крепости успешно завершили осенью 1705 года. Первый военный гарнизон Адмиралтейства состоял из экипажей военных судов, приведенных в конце осени из Кроншлота в Санкт-Петербург на зимнюю стоянку. Офицеров и матросов разместили в домах, построенных на правом берегу реки Мьи, неподалеку от

жилых зданий, построенных для мастеров и «государственных работников» судостроительной Адмиралтейской верфи.

Значение Адмиралтейства как верфи (после очередных побед в боях со шведами) неуклонно возрастало. В 1706 году с ее стапелей торжественно спустили на воду двух российских первенцев – 18-пушечный военный корабль «Прам» и яхту «Надежда». Особый подъем на верфи Адмиралтейства отмечался после блистательной победы русских войск над шведами в Полтавском сражении. В честь этого великого подвига на стапелях Адмиралтейского двора заложили лидер военно-морских сил Российской империи – 54-пушечный линейный флагманский корабль «Полтава». Строителем первого русского линкора стал корабельный мастер Главного Санкт-Петербургского Адмиралтейства Петр Михайлов, или, иначе, император Петр Великий, при непосредственном участии самородка русского судостроения корабельного мастера Ф. М. Склаева.

Между тем строительство жилых и административных помещений на правом берегу реки Мьи разрасталось. Немалое пространство, ограниченное с северной стороны площадью перед Адмиралтейством, а с южной – рекой Мьей, в 1705 году пополнилось сотней деревянных изб для морских офицеров и рабочих Адмиралтейской верфи.

Адмиралтейство. 1716 г. Гравюра А. Зубова

Позже территория этого огромного городского квартала, ограниченного правым берегом Мьи и Большой Морской улицей с одной стороны и Невской перспективой и Кирпичным переулком – с другой, становится строительной площадкой для формирования многочисленных Морских слобод, заложивших прочное основание таких знаменитых исторических столичных магистралей, как Большая и Малая Морская улицы.

Однако первоначально это многолюдное поселение на правом берегу реки Мьи испытывало весьма существенные неудобства в приобретении товаров первой необходимости. Проектировщики тех далеких лет не озаботились об организации в центре Санкт-Петербурга продажи продуктов питания и разнообразных бытовых товаров, в связи с этим любимцам русского императора Петра I – кораблестроителям и морским офицерам, боцманам и шкиперам – доводилось испытывать довольно большие неудобства. Населению данного участка, ставшего уже центральным районом города, приходилось покупать необходимые продукты и товары на территории Заячьего острова, где располагались торговые ряды, в которых одновременно торговали мясом, рыбой, хлебом, предметами одежды и строительными материалами. Здесь же во множестве находились харчевни и кабаки для работного люда, где рабочие и матросы могли подкрепить свои силы. Подобная ситуация, естественно, вызывала раздражение и крайнее неудовольствие жителей центрального района столицы.

В 1705 году морские офицеры, боцманы и работники Адмиралтейской верфи Санкт-Петербурга направили челобитную руководителю строительства Адмиралтейства светлейшему князю А. Д. Меншикову. В прошении отмечалось, что «...те мастеровые люди и моряки, кои ныне приехали, живут у Адмиралтейского двора, скучают, чтоб на сей стороне быть продаже съестным припасам и питье вина и пива, для того что им на другую сторону переезжать с трудом и от дела не надлежит». Реакция первого петербургского губернатора последовала мгновенно. По его распоряжению слева от Зеленого моста организовали Морской рынок, на котором торговали не только съестными припасами и одеждой, но также дровами и прекрасным луговым сеном. Однако по распоряжению самого Петра I «пожарного страха ради» Морской рынок вскоре перенесли на правый берег реки Мьи, неподалеку от Кирпичного переулка.

К этому же времени успешно завершилась прокладка первого отрезка Большой перспективной дороги, начатая по распоряжению Петра I от Адмиралтейства. Прямая перспектива тогда заканчивалась у правого берега приграничной реки Мьи, у пролета деревянного Зеленого моста. Основной рабочей силой, занятой на строительстве проспекта, стали те, кто, по планам шведского короля, должны были захватить Санкт-Петербург, – пленные шведские солдаты. Они же стали основными исполнителями при возведении на правом берегу Мьи, на углу Кирпичного переулка, двухэтажного каменного здания подвоя-гостиницы Александро-Невской лавры. У Зеленого моста через Мойку возвели двухэтажный Гостинный двор типичной для XVIII столетия формы четырехугольника, с обязательным внутренним двором и открытой галереей на изящных арках, возведенных на обоих этажах. По распоряжению князя А. Д. Меншикова, неподалеку, около укреплений Адмиралтейства, поставили трактир «Петровское кружало», а позже знаменитый адмирал К. Крюйс по соседству с этим известным на всю столицу питейным заведением построил свой второй дом. Фасад жилого строения был обращен к Мойке, а не к Невскому проспекту, что, по мнению его строителей, особо подчеркивало немалое значение реки Мьи как важной столичной транспортной артерии и главной градоформирующей доминанты начала XVIII столетия.

Небольшие жилые строения мастеровых Адмиралтейской верфи, унтер-офицеров и морских офицеров также возводились фасадами к реке, а разные хозяйственные постройки обычно сооружались внутри закрытого двора.

Начиная с 1712 года «недостаточным» жителям столицы губернаторским указом предписывалось оштукатуривать свои деревянные дома и окрашивать строения в приятные светлые тона.

В 1716 году по проекту зодчего Г. И. Маттарнови приступили к строительству на правом берегу Мьи Мытного двора, где должны были брать «мыт» – пошлину с товаров. Кроме того, Петр I пытался упорядочить торговлю путем создания образцового единого торгового центра, которым, по его мнению, должен был стать Мытный двор.

В 1719 году, после кончины автора проекта – зодчего Маттарнови, император поручил завершение работ по Мытному двору петербургскому зодчему Н. Ф. Гербелю. Современные петербургские краеведы Л. И. Бройтман и Е. И. Краснова в книге об истории Большой Морской улицы приводят оригинальное описание Мытного двора, опубликованное в книге о Петербурге А. Богданова и В. Рубана, изданной в 1779 году: «Мытный двор, по описанию русских историков XVIII столетия, оказывается, располагался в двухэтажном доме, с башенкой посредине со стороны Мойки. Строение построили из кирпича, но „весьма стенами тонко“. Крышу Мытного двора покрыли черепицей, „для чего понадобилось черепиц двести тысяч“. Торговали здесь не только продуктами, но и „хорошими, богатыми товарами“».

Петровский торговый центр на Адмиралтейской стороне теперь обслуживал огромный контингент рабочих Адмиралтейской верфи, морских офицеров, боцманов и военный гарнизон Адмиралтейской крепости – бывших клиентов Гостиного двора на Петербургской стороне. Возмущенное массовым оттоком своих постоянных покупателей торговое купечество Петербургской стороны направляло императору и губернатору столицы многочисленные челобитные, предлагая оставить в Санкт-Петербурге лишь один свой Гостиный двор. В своих прошениях купечество Петербургской стороны, забывая о прежних неудобствах населения центрального района города, огульно критиковало в своих посланиях торговлю и качество товаров на Адмиралтейском участке столицы. В челобитных, в частности, указывалось, что «на Мытном дворе, что на Адмиралтейской стороне, во многих лавках разных чинов люди, вопреки определению торговать только харчевными и съестными товарами, торгуют всякими товарами, от чего здешнему купечеству великая обида и разорение и торгу помешательство, также и пошлинам от того не без утраты, потому что от таможенного смотрения не в близости, да и лавкам гостиного двора немалое запустение».

После завершения строительства каменного Мытного двора, его, по повелению Екатерины I, окружили посадкой кленовых деревьев, оградив таким образом постройку «для сбережения» от скота. Площадь же перед новым Гостиным двором замостили камнем и даже выделили в 1721 году специальное место для казней и публичных наказаний.

Свидетелем одной из публичных казней на этой городской площади перед новым Гостиным двором на набережной реки Мьи в 1738 году стал родовитый известный русский поэт и дипломат Антиох Кантемир, который высказал свои впечатления об увиденном в одном из своих стихотворений. На помосте в тот день казнили отставного морского флота капитана-поручика Александра Возницына «за отпадение в жидовскую веру» и богатого купца – откупщика Баруха Лейбова, активно проповедовавшего иудейскую веру и уговорившего морского офицера и представителя старинного дворянского рода Возницына принять иудаизм. Боевой русский морской офицер Александр Возницын после долгих бесед со своим другом Барухом Лейбовым переменял веру своих предков на еврейскую и в присутствии своей супруги демонстративно выбросил в реку Мью все православные иконы своего дворянского рода. Возмущенная жена, произнеся в Тайной канцелярии сакраментальную фразу «Слово и дело», донесла о возмутительном поступке своего супруга. Делу был дан законный ход. Мужа арестовали вместе с его еврейским приятелем, подвергли жестокому допросу в Тайной канцелярии и по указанию императрицы Анны Иоанновны приговорили к смерти. В конце оглашения приговора чиновник произнес решение Сената: «...виновных казнить смертью и сжечь, чтобы, смотря на то, невежды и богопротивники христианского закона отступать не могли». Приговор свершился при большом скоплении народа, заполнившего не только площадь у нового Мытного двора, но и правобережную часть реки Мьи, примыкающую к месту казни.

Двухэтажный Мытный рынок для торговли съестными припасами, деятельность которого поощрялась государем и руководством Санкт-Петербурга, со временем становится образцом современной торговли по продаже населению Адмиралтейской части самых необ-

ходимых и сравнительно недорогих продуктов питания. Несколько дальше от Мытного рынка, вниз по течению реки Мьи, за Кирпичным переулком на правом берегу обустроили рыбные и мясные торговые ряды. В дополнение к ним здесь же соорудили два рыбных садка, где можно было купить живую рыбу, доставляемую с низовий Волги в Северную столицу наливными баржами. Постепенно ассортимент товаров Мытного рынка расширялся, столичные купцы стали торговать здесь не только продуктами питания, но и разнообразными промышленными и строительными товарами. Подобное расширение превратило Мытный рынок на Мойке в уважаемый населением Адмиралтейского района столицы универсальный Гостиный двор.

В начале 30-х годов XVIII столетия центр новой Северной столицы окончательно перемещается с Петербургской стороны в Адмиралтейские кварталы города. Однако канцелярия императора, дворец столичного губернатора князя А. Д. Меншикова и канцелярия генерал-полицмейстера графа Антона Мануиловича Девиера еще долго продолжали читать челобитные и послания русского купечества, владельцев рынков съестных припасов и магазинов на Петербургской стороне, пытавшихся убедить царя и Сенат, что «съестной рынок» Адмиралтейской части Санкт-Петербурга продолжает находиться в антисанитарном состоянии и его необходимо срочно «убрать подальше вместе с его опасными нечистотами и мерзостями». Вся эта переписка и поток пасквильных челобитных в одночасье прекратились 11 августа 1736 года после всепожирающего губительного пожара на правом берегу реки Мьи. Опустошительные пожары, охватившие русскую столицу во времена правления императрицы Анны Иоанновны в 1736–1737 годах, уничтожили всю центральную часть Адмиралтейского околотка, заполненную в те годы многочисленной деревянной застройкой. Тогда полностью выгорели и морские слободы на правом берегу реки Мойки.

Генерал-полицмейстер Петербурга Антон Девиер

11 августа 1736 года внезапно загорелся деревянный особняк на правом берегу Мьи, в непосредственной близости от Зеленого моста. Полицейское расследование установило, что виновником возгорания строения оказался прислужник персидского посланника, куривший трубку рядом с копной сухого сена, в которую попала искра, и пламя мгновенно охватило деревянные стены старого дома. В полицейском рапорте указывалось, что менее чем за восемь часов разбушевавшийся пожар уничтожил все жилые здания от Зеленого моста до Вознесенского проспекта. Пожар 1736 года полностью ликвидировал своеобразную доминанту тогдашней столицы, расположенную на правобережье реки Мойки, – двухэтажное здание Гостиного двора. Полицейский протокол зафиксировал, что «помпезное строение торгового комплекса, четырехугольное в плане, с таким же внутренним двором, покатою черепичной крышей с башней и высоким шпилем располагалось вблизи Перспективной дороги, на правом берегу Мойки. Полыхавший на набережной реки пожар охватил весь Гостиный двор, и он полностью выгорел и, не стерпя сильного огня, распался».

Пожар в Петербурге в 1737 году

После этого пожара Гостиный двор на правом берегу реки Мьи больше не восстанавливался. Однако небезынтересно заметить, что торговля живой рыбой на прибывавших с Волги баржах на этом печальном погорелом месте продолжалась до 1865 года. Правда, их путешествие в Северную столицу длилось довольно долго. Зимовали волгари обычно в Рыбинске. Плавание же по каналам от Рыбинска до Петербурга занимало 100–120 суток. Обычно барки или плоты тянули бурлаки или несколько пар лошадей. Из-за таких сложностей в доставке живой волжской стерляди и осетров цена на подобные деликатесные породы рыбы была на рынке достаточно высокой и могла быть доступной лишь состоятельным жителям Санкт-Петербурга.

«Комиссия о Санкт-Петербургском строении» решила, что вместо «згорелого Мытного двора... на том же месте ныне потребно построить Гостинный двор каменный без погребов о двух апартаментах (этажах. – *Г. З.*) и покрыть на деревянных стропилах черепицей или железом... а между Морской и Луговой улицами (Большой и Малой Морскими улицами. – *Г. З.*)... построить казенный каменный дом... без погребов о двух апартаментах... а внутри одного сделать лавки для продажи всяких Сибирских и Ниренбергских товаров и конфискованных пожитков». План новостроек завизирован подписью городского зодчего П. М. Еропкина и ныне хранится в Российском государственном историческом архиве.

После опустошительных пожаров 1736–1737 годов на правом берегу реки Мойки пого-
рельцы – морские офицеры, мастера Адмиралтейской верфи – переселились в Коломну, тер-
ритория которой располагалась между Мойкой, Фонтанкой, Пряжкой и Крюковым каналом.
Южная же граница российской столицы теперь царским указом передвинулась с берегов
Мойки к набережным реки Фонтанки.

На уничтоженных огнем набережных Мойки многое необходимо было отстраивать заново. Посетив пожарище, императрица Анна Иоанновна была потрясена, и в 1737 году последовал императорский указ о запрещении строительства деревянных домов в центре

двух недавних гигантских пожаров. Сенат решил своим распоряжением создать Комиссию о Санкт-Петербургском строении во главе с генералом Б.-Х. Минихом.

Вошедшим в Комиссию знаменитым зодчим П. М. Еропкину, Н. К. Коробову, С. Г. Земцову поручались разработка нового генерального плана Петербурга и работа по застраиванию «погорелых мест».

Застройка набережных реки Мьи должна была проходить и на ее правом берегу от Зеленого до Синего моста «единою фасадаю». Здесь, на выжженном дотла правобережье Мьи, Сенат и Комиссия о Санкт-Петербургском строительстве решили прежде всего застроить «погорелые места» на набережных реки и прилегающих к ним магистралям Северной столицы. Однако проходило время, а квартал между Мойкой, Невским проспектом и Кирпичным переулком еще долго оставался незастроенным. Правда, отдельные историки Санкт-Петербурга, а позже и краеведы XX столетия, просматривая в газетном читальном зале Российской национальной библиотеки подшивки газеты «Санкт-Петербургских ведомостей», находили отдельные факты, указывающие на одиночные признаки появления после пожаров на Адмиралтейской части новых построек и даже нескольких каменных домов, принадлежавших якобы некоторым столичным чиновникам и купцам.

П. М. Ерошкин

И все же большинство знатоков истории Адмиралтейской стороны продолжали авторитетно заявлять, что примерно до начала второй половины XVIII столетия «погорелые места» правого берега реки Мьи и прилегающие к ней улицы оставались незастроенными по целому комплексу достаточно объективных причин и веских оснований.

Временный Зимний дворец Елизаветы Петровны

В 1754 году левый берег реки Мьи украсился великолепным зданием дворца, возведенного придворным зодчим Бартоломео Франческо Растрелли. Первым владельцем этого архитектурного шедевра, расположенного на углу Невской перспективы в месте ее пересечения с рекой Мьей, становится один из богатых людей Российской империи, отпрыск знаменитых уральских заводчиков и владельцев золотыми приисками Сибири барон и камергер Сергей Григорьевич Строганов.

Современники с удивлением отмечали, что проект своего собственного дворца в столь престижном столичном месте барон смог заказать придворному архитектору Ф.-Б. Растрелли – творцу петербургских шедевров русского барокко и автору проекта строящегося в то время нового царского Зимнего дворца для императрицы Елизаветы Петровны на берегу Невы. В связи с этим хотелось бы обратить внимание читателей на ряд обстоятельств, вызвавших недоумение представителей высшего света и многочисленные пересуды в кругу аристократического общества. Во-первых, любые работы императорского архитектора на частного заказчика практически не проводились, ибо он являлся исключительно придворным зодчим. А, во-вторых, русская императрица Елизавета Петровна, занимая в ожидании завершения строительства нынешнего Зимнего дворца на Неве довольно скромный и сравнительно небольшой особняк на Царицыном лугу, все же милостиво позволила разрешить барону С. Г. Строганову воспользоваться услугами ее знаменитого придворного архитектора, вероятно, памятуя немалые заслуги его предков перед российским престолом.

После завершения строительства дворец С. Г. Строганова посетила дочь Петра Великого и, пораженная его красотой, блеском интерьеров и необычным внешним видом, даже высказала желание отпраздновать в нем свой день рождения, ибо к этой дате постройка императорского Зимнего дворца на левом берегу Невы, начатая в 1754 году, вряд ли могла быть завершена. В приватной беседе с Елизаветой Петровной барон Строганов и придворный архитектор Растрелли сумели убедить императрицу в целесообразности на некоторое время стать соседкой Строганова и покуда перебраться на противоположный правый пустующий берег реки, где зодчий Растрелли клятвенно обещал Елизавете Петровне построить весьма быстро достойный и презентабельный временный дворец русской императрицы.

29 декабря 1754 года императрица Елизавета Петровна «Высочайше апробировать соизволила план новобудущему на каменных фундаментах деревянному Зимнему дворцу, который имеет быть построен на Адмиралтейской части близъ Зеленого мосту, на правом берегу реки Мьи и Невской перспективной дороги, на пустопорожном месте сгоревшего Гостиного двора и при той площади, что Адмиралтейскому Лугу».

13 февраля 1755 года придворный зодчий граф Ф.-Б. Растрелли представил на высочайшее рассмотрение детальные пояснения к проекту временного Зимнего дворца, в котором отмечал, что проект «ныне с некоторыми переменами для исправления работ в большом виде нарисован». 6 марта Елизавета Петровна утвердила служебную записку своего архитектора и разрешила начать строительство Зимнего временного дворца на правом берегу реки Мьи.

Центральная часть здания была выделена изящными сдвоенными колоннами и украшена резьбой. В этой части дворца располагалось его главное помещение – двухсветная галерея высотой десять метров. Убранство многочисленных парадных дворцовых помещений поражало всех своей изысканной пышностью и невероятной роскошью.

Выжженное пожаром 1737 года пространство, где некогда находились петровские Мытный и Гостиный дворы, было наконец-то застроено временным пристанищем россий-

ской императрицы, ожидающей окончания строительства Зимнего дворца на левом берегу Невы.

Ф.-Б. Растрелли

Временный деревянный Зимний дворец был возведен Растрелли в небывало короткий срок, всего за несколько месяцев. 5 ноября 1755 года, после торжественного богослужения по случаю окончания его строительства и освящения многочисленных дворцовых покоев, императорская фамилия – императрица Елизавета и ее племянник, наследник престола Петр Федорович (в будущем Петр III) с женой (будущей императрицей Екатериной II) – переехала в роскошный временный Зимний дворец из старинного небольшого особняка на Царицыном лугу.

Сообщая о торжествах по случаю завершения строительства дворца, популярная столичная газета «Санкт-Петербургские ведомости» поспешила известить столичных жителей о том, что «дворец нетокмо по внутреннему украшению и числу покоев и зал, коих находится больше ста, но и особливо потому достоин удивления, что с начала нынешней весны

и так не более в шесть месяцев с фундамента построен и отделан». Газеты восторженно сообщали, что за этот короткий период времени «на строительство огромного по своим размерам дворцового здания подрядчик затребовал 2500 стекол различного размера и формы, 21 000 метров холста для оформления потолков многочисленных дворцовых залов».

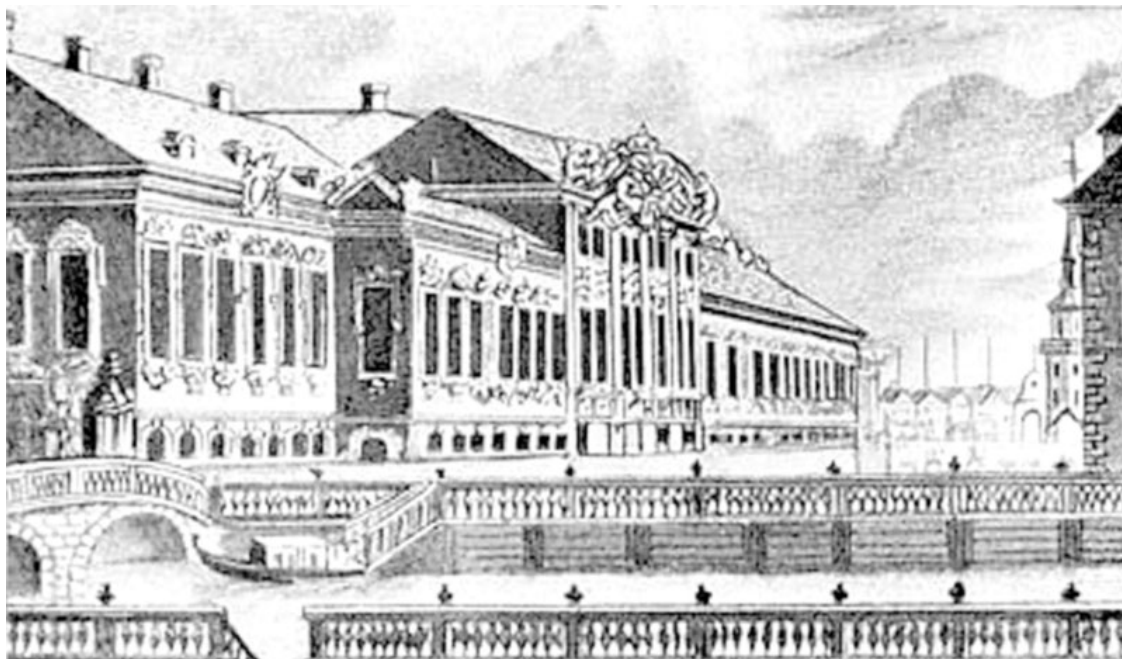
В связи со строительством временного Зимнего дворца небезынтересно отметить, что с появлением императорской резиденции Невской перспективы – главной магистрали российской столицы – стали уделять еще больше внимания, тщательнее благоустраивать улицу, поддерживать ее в идеальной чистоте и порядке. После завершения строительства временного дворца опубликовали даже «грозный» указ Елизаветы Петровны, категорически запрещавший обывателями развешивать для просушки белье на деревьях главной городской перспективы, «посаженных для увеселения. А если впредь кто по той Невской перспективе между березами будет платье развешивать, то оное отбирать в казну».

Газетные информации и воспоминания очевидцев, в том числе и исторические заметки принцессы Софии-Августы Ангальт-Цербстской, ставшей супругой наследника российского престола принца Петра Федоровича Екатериной Алексеевной, единодушно отмечали, что дворцовое здание занимало огромный городской квартал, перегородивший даже сквозной проезд по Большой Морской от Невской перспективы до Кирпичного переулка.

Необходимость возведения временного деревянного Зимнего дворца обуславливалась тогда немалыми сроками постройки нового здания, основного императорского Зимнего дворца на Дворцовой набережной.

Позже Ф.-Б. Растрелли писал: «Я построил большой деревянный дворец для зимней резиденции Ея Императорского Величества впредь до окончания каменного дворца, поскольку старый дворец, построенный по приказанию императрицы Анны, был снесен для того, чтобы там строить новый. Это здание состоит более чем из 156 комнат, с каменными погребями, с большой галереей в середине фасада, выходящей прямо на большой проспект... Оно было закончено и обставлено в течение семи месяцев. Все парадные апартаменты, приемные, тронный зал, галерея и прочие были украшены лепным позолоченным орнаментом и несколькими плафонами, помещенными в главных апартаментах».

Главный фасад деревянного одноэтажного временного Зимнего дворца с 52 окнами, украшенными оригинальными лепными наличниками, выходил на Невскую перспективу и простирался на 200 метров. Второй фасад здания заворачивался «глаголем» вдоль правого берега Мьи. Это второе крыло завершалось на берегу реки довольно массивным каменным дворцовым театральным корпусом.

Временный деревянный Зимний дворец императрицы Елизаветы Петровны на углу Невского проспекта и набережной Мойки. С гравюры Ф. Т. Внукова по рисунку М. И. Махачева, 1761 г.

При возведении временного Зимнего деревянного дворца архитектор Растрелли частично употребил строительный материал, полученный при демонтаже деревянного флигеля старого каменного Зимнего дворца на левом берегу Невы.

Каменный оперный театр временного Зимнего дворца украсили пышной позолоченной резьбой и массой огромных зеркал. По повелению Елизаветы Петровны 5 мая 1757 года в нем состоялось первое представление «для народа» русского профессионального театра под руководством знаменитого ярославского актера и театрального деятеля Федора Григорьевича Волкова, создавшего в 1756 году первый в Санкт-Петербурге постоянный профессиональный русский публичный театр.

В западной оконечности дворца к основному блоку дворцовых покоев «изнутри» примыкало строение каменной кухни. Ризалит дворцового строения с 22 окнами зодчий искусно украсил в стиле барокко 5 колоннами, над которыми укрепил значительных размеров императорский герб Елизаветы Петровны с ее вензелем и короной.

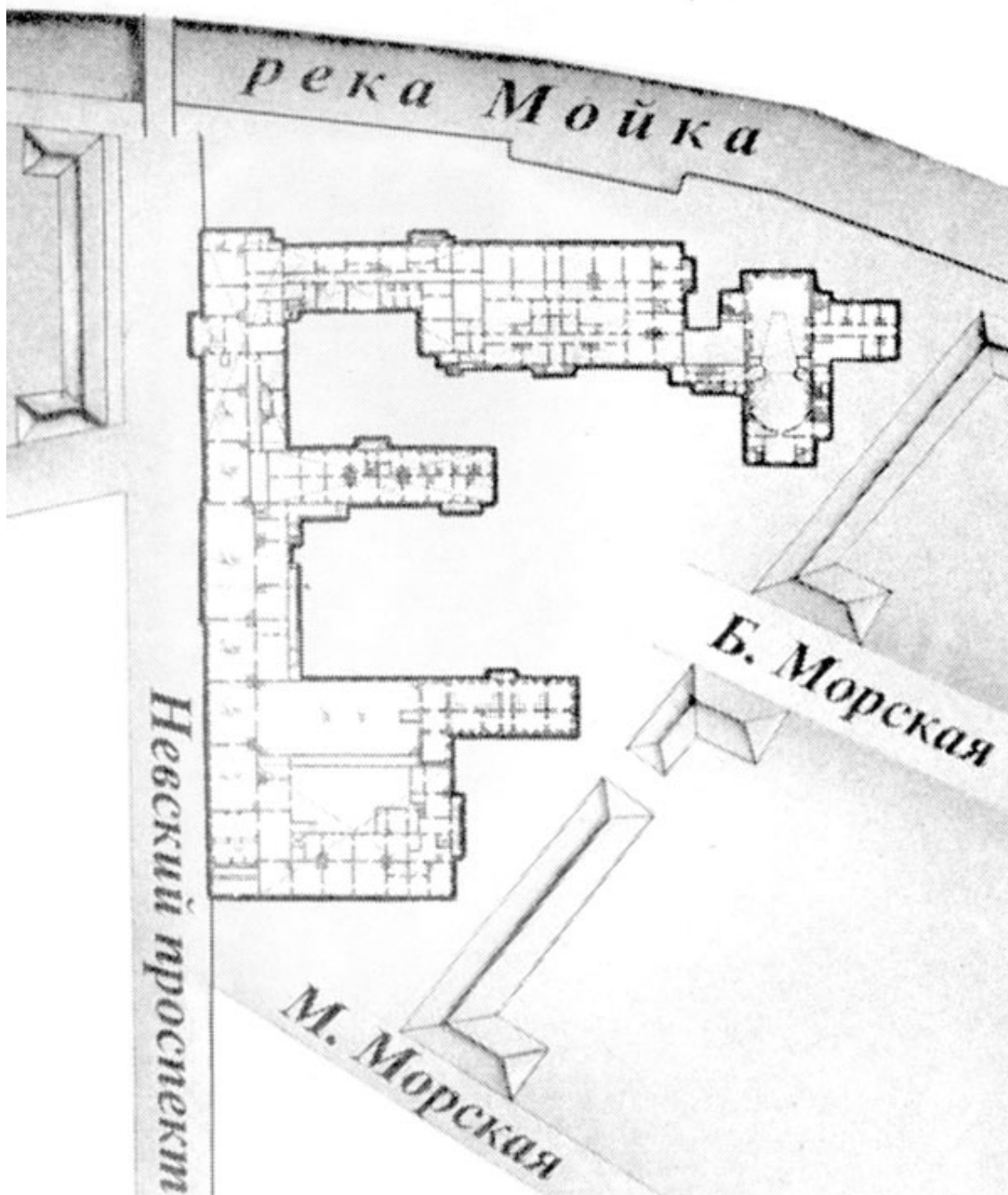

Схема расположения временного Зимнего дворца императрицы Елизаветы Петровны

Главный подъезд временного Зимнего дворца императрицы Елизаветы Петровны выходил на угол Невской перспективы и набережной реки Мьи. Гости и визитеры поднимались по великолепной дворцовой парадной лестнице, и, прежде чем войти в огромный Тронный зал, они проходили через анфиладу малых и больших роскошных залов, прекрасно украшенных и богато покрытых позолотой и венецианскими огромными зеркалами. По воспоминаниям императорского ювелира того далекого времени Иеромия Позье, «тронная зала представляла собой двойной куб в сто футов. Вся столярная работа выкрашена зеленым цветом, а панели на обоях золочены. С оной стороны находится двенадцать больших окон, соответствующих такому же числу зеркал из самых огромных, какие только можно иметь, потолок исписан эмблематическими фигурами».

Императрица Елизавета Петровна

Русский писатель и естествоиспытатель Андрей Тимофеевич Болотов в своих мемуарах после визита во временный Зимний дворец императрицы Елизаветы Петровны также был поражен богатством отделки его залов и особенно роскошью Тронного зала.

Тронный зал, спроектированный зодчим Растрелли, занимал специально предусмотренный проектом и пристроенный сбоку ко дворцу огромных размеров флигель, к которому тогда примыкала домовая церковь.

Личные покои Елизаветы Петровны располагались в дворцовом крыле, обращенном на правый берег Мьи. В этом спокойном, тихом и уютном месте, ориентированном на медленно текущую реку и величественную панораму дворца Строганова, на большом балконе-террасе любила сиживать русская императрица после сытного обеда.

В покоях императрицы Растрелли предусмотрел помещения для двух детских комнат, где тогда находился сын великой княгини Екатерины Алексеевны Павел Петрович. Покои наследника престола Петра Федоровича и его супруги Екатерины Алексеевны располагались во дворце вдоль Луговой улицы (будущей Большой Морской) в границах участка между Невской перспективой и Кирпичным переулкем.

Великий князь Петр Федорович и великая княгиня Екатерина Алексеевна

Неподалеку от резиденции молодоженов Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны, через переулок, на противоположном углу, находился особняк, принадлежавший в 40-х годах XVIII столетия столичному обер-полицмейстеру Федору Васильевичу Наумову. Действительный тайный советник и сенатор Ф. В. Наумов занял этот пост в 1704 году и сразу же подал прошение на имя государыни Елизаветы Петровны о присвоении ему причитающегося по должности чина генерал-лейтенанта. Получив искомое звание, генерал служил сравнительно недолго – всего четыре года (до 1744 г.). Особых заслуг на довольно ответственном

посту не имел. Обер-полицмейстер столицы ввел запрет на кулачные бои, издал приказ не иметь в домах на центральных улицах битых оконных стекол и предложил использовать участок перед строящимся у Невы Зимним дворцом под пастбище для коров дворцовой фермы. Участок будущей Дворцовой площади тогда действительно разравнивали и засевали овсом. В 1744 году Ф. В. Наумов по болезни уходит в отставку, но продолжает числиться сенатором. После смерти сенатора его дом и участок переходят в собственность Дворцового ведомства. В нем некоторое время жили придворные. Существует легенда, что в 1759 году в этом доме якобы квартировал Григорий Орлов, которого будущая императрица Екатерина Алексеевна впервые увидела из окна своей комнаты.

Великая княгиня Екатерина Алексеевна не любила, если не сказать ненавидела, временный Зимний дворец, ибо в нем ей пришлось пережить наиболее тяжелые дни своей жизни: в его покоях принцессу постоянно унижали, она страдала и переживала. Позже российская императрица Екатерина II ярко и подробно опишет мучительные дни жизни во временном Зимнем дворце в своих «Записках». Поэтому неудивительно, что в числе первых императорских указов пришедшей к власти государыни появилось распоряжение о немедленном сносе дворца Елизаветы Петровны.

Екатерина II довольно едко характеризует в «Записках» своего супруга, великого князя и наследника престола Петра Федоровича, описывая его детские забавы во дворце и библиотеку великого князя, расположенную в мезонине флигеля, который он тогда занимал: «Она состояла из книг описания юридических процессов, рассказов о разбойниках, колесованных и повешенных и набора многочисленных лютеранских молитвенников».

Приближенные императрицы Елизаветы Петровны также вспоминали, что жить в этом роскошном огромном дворце все же было довольно неудобно и порой холодно. Нередко императрица распорядилась приглашать в покои дежурных караульных гвардейских офицеров и дежурных чиновников, чтобы согреть ее холодные дворцовые комнаты.

Вторая беда почти всех дворцовых покоев – нашествие мышей, облюбовавших большинство комнат и безбоязненно разгуливавших среди роскошной мебели больших и малых зал временного дворца императрицы. Решительная Елизавета Петровна срочно приказывает: «...искать в Казани тридцать лучших котов и немедленно прислать их к царскому двору вместе с человеком, который должен за ними ухаживать».

Режим и ритм жизни императрицы и ее придворных во дворце у Зеленого моста складывался весьма необычно. «Императрица, – по сведениям автора книг о Санкт-Петербурге Михаила Ивановича Пыляева, – имела обыкновение спать в разных местах, так что заранее нельзя было знать, где она ляжет. Это приписывали тому, что она превращала ночь в день и день в ночь. В 11 часов вечера она еще отправлялась только в театр, и кто из придворных не являлся за нею туда, с того брали 50 рублей штрафа...»

По воспоминаниям современников, Елизавета Петровна любила сытно поесть, а каждое блюдо запивала своим любимым токайским вином. Императрица была весьма набожна, поэтому в среду и пятницу вечерний стол всегда бывал после полуночи, чтобы избежать постной еды и особенно постного масла, которого она не переносила. Зато после полуночи наступал скоромный день, и тут уже на столе всегда появлялась в изобилии любимая императрицей разнообразная скоромная еда. Насытившись, государыня ложилась спать обычно в пять часов утра. Перед отходом ко сну Елизавета Петровна любила слушать рассказы старух и торговок, которых специально для нее приглашали во дворец со столичных улиц. Во время сна императрицы запрещалось ездить по Зеленому мосту экипажам, а иногда мост закрывался и для прохода пешеходов. Когда императрица спала, запрещался не только стук проезжающих по мосту экипажей и стук сапог людей, проходящих по Зеленому мосту, но и хлопанье кнутов кучеров. Сохранился даже удивительный указ Елизаветы Петровны в адрес

возниц различных конных экипажей: «Чтобы кучера, будучи близ двора Ее Императорского Величества, отнюдь бичами не хлопали».

Временный деревянный Зимний дворец императрицы Елизаветы Петровны славился своими знаменитыми маскарадами, балами и замечательными банкетами. Подобные увеселительные мероприятия приводили в неописуемый восторг даже бывалых французов, ранее побывавших на подобных вечерах в прославленном Версале.

Праздники во дворце на углу Невской перспективы и правого берега реки Мьи собирали в танцевальном зале многочисленных гостей. Иностранцы в своих воспоминаниях с восхищением писали не только о красоте и роскоши дворцовых императорских апартаментов, богато украшенных позолотой и замечательной уникальной резьбой деталей парадных интерьеров различных залов, о массивных зеркалах, люстрах с большим числом свечей, но и о прекрасной организации устраиваемых во дворце праздничных вечеров. В танцевальном зале с наступлением темноты одновременно опускались оконные шторы, и в изящных потолочных люстрах, как по команде, мгновенно зажигались 1200 восковых свечей, отблеск которых волшебным образом отражался в огромных стальных зеркалах. В малых и больших дворцовых залах на балах звучали мелодичные звуки двух императорских оркестров.

История 20-летнего правления всероссийской императрицы Елизаветы Петровны оставила потомкам многочисленные свидетельства и факты о том, что дочь Петра I, получившая весьма поверхностное образование, вела при дворе довольно веселую и весьма рассеянную жизнь. В характере императрицы удивительным образом сочетались набожность и неудержимая страсть к удовольствиям и бурному веселью. В годы ее правления начинания и чаяния Петра Великого продвигались к своему завершению довольно медленно. По мнению большинства соотечественников, Елизавета Петровна «была чужда всякой энергичной государственной деятельности».

Период правления императрицы Елизаветы Петровны стал предметом исследования для многих известных российских историков, изучавших подлинные документы из государственных архивов России, сохранившиеся воспоминания отдельных политических деятелей и придворных сановников, их частную и деловую переписку, позволяющую «из первых рук» узнать о суждениях этих государственных мужей, их оценках периода власти дочери Петра I, о ее пристрастиях и увлечениях вкупе с событиями, происходившими внутри Российской империи и за ее пределами. Их оценки 20-летнего царствования Елизаветы Петровны разноречивы, порой противоположны, но, с нашей точки зрения, могут представлять для читателей определенный исторический интерес.

Создатель «Истории государства Российского» Николай Михайлович Карамзин (Записка о древней и новой России. М., 1961), отмечал, что «счастье, благоприятствуя мягкосердной Елизавете в ее правление, спасло Россию от тех чрезвычайных зол, коих не может отвратить никакая мудрость человеческая, но счастье не могло спасти государства от алчного, корыстного П. И. Шувалова. Ужасные монополии сего времени долго жили в памяти народа, утесняемого для выгоды частных людей и ко вреду самой казны. Многие из заведений Петра Великого пришли в упадок от небрежения, и вообще царствование Елизаветы не прославилось никакими блестящими деяниями ума государственного».

Как при Анне, так и Елизавете, Россия текла путем, предписанным ей рукою Петра, более и более удаляясь от своих древних нравов и сообразуясь с европейскими. Замечались успехи светского вкуса. Уже двор наш блистал великолепием и, несколько лет говорив по-немецки, начал употреблять язык французский. В одежде, в экипажах, в услуге вельможи наши мерялись с Парижем, Лондоном, Веней. Но грозы самодержавия еще пугали воображение людей: осматривались, произнося имя самой кроткой Елизаветы или министра сильного, еще пытки и Тайная канцелярия существовали».

Российский историк Сергей Михайлович Соловьев писал: «При правлении Елизаветы Россия ПРИШЛА В СЕБЯ. На высших местах управления снова явились русские люди, и когда на место второстепенное назначали иностранца, то Елизавета спрашивала: „Разве нет русского?“ Иностранца можно назначить только тогда, когда нет способного русского. Но, говоря о значении царствования Елизаветы, мы не должны забывать характер самой Елизаветы. Веселая, беззаботная, страстная к утехам жизни в ранней молодости, Елизавета должна была пройти через тяжкую школу испытаний и прошла ее с пользою. Крайняя осторожность, сдержанность, внимание, умение проходить между толкающими друг друга людьми, не толкая их, – эти качества, приобретенные Елизаветою в царствование Анны, когда безопасность и свобода ее постоянно висели на волоске, эти качества Елизавета принесла на престол, не потеряв добродушия, снисходительности, так называемых патриархальных привычек, любви к искренности, простоте отношений. Наследовав от отца умение выбирать и сохранять способных людей, она призвала к деятельности новое поколение русских людей, знаменитых при ней и после нее, и умела примерять их деятельность...».

Советский историк, руководитель Коммунистической академии, института красной профессуры Михаил Николаевич Покровский, в духе первых лет советской власти, в своем труде «Русская история в самом сжатом очерке» в 1920 году довольно нелицеприятно отзывался об императрице Елизавете Петровне и ее государственной деятельности: «Эта была... развратнейшая из Романовых. Ее „фаворитам“ счета не было, и кто только не побывал на этой „должности“: от французского посла Шетарди до учеников Кадетского корпуса. Главным был придворный певчий из украинцев Разумовский. Своих придворных дам она приказывала сечь кнутом на площади и вырывать у них языки за непочтительные отзывы о ее величестве. У нее было 15 000 платьев, а когда она умерла, в казне не было ни одного серебряного рубля; войскам жалованье платили медной монетой, да и то перелив в нее пушки.

Последние годы царствования Елизаветы Петровны были омрачены не только нездоровьем императрицы, но и острыми проблемами внутренней политики. В начале 1760-х годов стало ясно, что достигнуть желанного благополучия подданных и на этот раз не удастся».

Автор замечательной книги «История России в живописаниях ее главнейших деятелей» Николай Иванович Костомаров, благодаря своему литературному таланту и объективности к деталям эпохи, ярко отобразил весь период царствования дочери Петра Великого и охарактеризовал детально заключительный этап ее пребывания на российском троне. Начиная со второй половины XVIII столетия Елизавета Петровна начала страдать тяжелыми болезненными припадками. Состояние ее здоровья первоначально тщательно скрывалось от всех, но затем они участились и появлялись при большом скоплении народа в императорской летней резиденции Царского Села. Причем теперь они выводили императрицу из строя на несколько дней. Усилилась слабость, и появились явные признаки нарушения речи до такой степени, что императрица не могла внятно говорить с придворными. Начиная с 1761 года здоровье Елизаветы Петровны ухудшалось день ото дня. Она уже не вставала с постели, но настоятельно требовала от придворных регулярного чтения государственных документов и докладов о положении внутри страны и за ее пределами. Ее огромным желанием теперь стала немедленная возможность переселения из временного Зимнего дворца в новый каменный на левом берегу Невы, который еще не был завершен строительством, ибо придворный зодчий Растрелли запросил довольно значительную сумму для его окончательной внутренней отделки, а казна в тот период была не в состоянии оплатить предоставленную архитектором смету необходимых расходов.

В конце ноября 1762 года Елизавете Петровне стало значительно лучше. Императрица даже приступила к работе с государственными бумагами, начертала резолюцию на сенатском документе и высказала свое неудовольствие за бюрократическое затягивание сроков решения важных государственных дел. Однако 12 декабря у императрицы произошел тяже-

лейший приступ удушья со рвотой и мучительным кашлем. Врачебный консилиум медиков того времени пришел к неутешительному заключению о признаках ближайшей кончины государыни. Вероятно, предчувствуя свою ближайшую смерть, Елизавета Петровна по примеру своих великих предков 17 декабря объявила Сенату именной указ: «Освободить всех содержащихся во всем государстве людей по корчемству, уничтожить следствия, возвратить ссыльных и изыскать способ заменить другими средствами соляной доход, собиравшийся с великим разорением народа».

22 декабря в 10 часов вечера новый приступ поверг императрицу в крайне тяжелое состояние, 23 декабря она исповедовалась и причастилась, а 24-го изъявила желание собороваться. Вечером, накануне праздника Рождества Христова, Елизавета Петровна приказала читать над собой отходные молитвы и внятно повторяла их за своим духовником. Ночь и последующее утро 25 декабря прошли в агонии. Петр Федорович и Екатерина Алексеевна неотрывно пребывали у постели умирающей императрицы.

Историк Н. И. Костомаров, упоминая о последних часах Елизаветы Петровны, отмечал: «В приемной, перед спальней собрались высшие чиновники и сановники. В начале четвертого часа пополудни вышел из спальни старший сенатор, князь Никита Юрьевич Трубецкой и объявил, что императрица Елизавета Петровна скончалась и государствует теперь в Российской империи его величество император Петр III».

Временный деревянный дворец на углу Невской перспективы и правого берега Мьи оказался последней официальной резиденцией российской императрицы – дочери Петра Великого. Елизавета Петровна скончалась в период завершения отделки нового каменного дворца на набережной левого берега Невы.

В камер-фурьерском журнале осталась последняя историческая запись брэнной жизни императрицы, датированная 25 декабря 1761 года: «25-го числа во вторник в день Рождества Христова... пополудни в четвертом часу Ее Императорское Величество по воле всемилостивейшего Бога переселилась в вечное блаженство».

В записках придворного ювелира Иеремии Позье оставлено свидетельство о последних часах пребывания русской императрицы в своем временном роскошном дворце – в покоях, окна которых выходили на набережную реки Мьи: «Гроб с телом императрицы был установлен в зале, освещенной шестью тысячами свечей... Все статс-дамы и фрейлины окружали одр Елизаветы в глубоком трауре». Придворными были тогда особо отмечены необычный внешний вид и оперативные действия наследника престола Петра Федоровича – сына Анны Петровны и герцога Гольштейн-Готторпского. На его лице отсутствовало выражение печали и горя по случаю смерти тетушки, ранее объявившей его законным наследником престола. Петр Федорович довольно энергично распорядился построить вдоль временного Зимнего дворца Елизаветы Петровны гвардейские части, присягнувшие новому императору Петру III, и затем завизировал свой первый указ: «Генералитету, знатному шляхетству, дамам первых четырех классов иметь незамедлительный приезд ко двору Его Императорского Величества всем в цветных платьях, дамам быть в робронах [старинных женских платьях с кринолином. – Г. З.]».

В апреле 1762 года новый российский император поспешил перебраться из покоев временного Зимнего деревянного дворца, в законченное, но до конца еще не отделанное здание каменного Зимнего дворца на набережной Невы.

Опустевший временный Зимний дворец, занимавший массивный квартал Адмиралтейской части, еще некоторое время использовался. В его залах изредка устраивались парадные обеды и маскарады. Однако вскоре все же началась бережная разборка дворцовых покоев и служебных помещений. В январе 1765 года «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовали объявления, в которых предлагалось желающим взять подряд на разборку одного из дворцовых флигелей, а затем перевезти его в Красное Село и там поставить.

Кроме того, через газету предлагалось желающим взять подряд для аккуратной разборки стен и части фасада временного Зимнего дворца и перевезти их на Исаакиевскую площадь к Синему мосту, где будет возводиться дворец графа И. Г. Чернышева.

К 1767 году от огромного дворцового здания остались лишь три каменных составляющих строения: театр, Тронный зал и кухня. Часть участка со зданием бывшего дворцового театра и Кухонный корпус по распоряжению Екатерины II приспособили под жилую квартиру для приглашенного в Россию знаменитого французского скульптора Этьена Мориса Фальконе, взявшего подряд на изготовление конного памятника Петру Великому («Медный всадник»). Огромный дворцовый Тронный зал тогда же превратился в рабочую мастерскую великого скульптора, где вскоре была изготовлена модель конной статуи. Немалое количество деталей роскошной отделки временного Зимнего дворца новая императрица Екатерина II повелела отдать для украшения строившихся дворцовых помещений своего фаворита Алексея Орлова и графа И. Г. Чернышева.

Уникальный богатый иконостас дворца передали «с уборами и кафедрой для поставления в деревянную церковь Во имя Входа Господня в Иерусалим», известную также как церковь Знамения Божией Матери, построенную в 1759–1765 годах по повелению Елизаветы Петровны. Освящение храма, возведенного на Невской перспективе у Лиговского канала, началось с его приделов: одного – в честь Знамения Пресвятой Богородицы (в сентябре 1765 г.), второго – во имя Святителя Чудотворца Николая (год спустя). Главный же придел храма – Входа Господня в Иерусалим – освятили позже всех, в июне 1768 года.

Знаменская церковь

В эту главную церковь и перенесли иконостас домовый церкви из бывшего деревянного временного Зимнего дворца императрицы Елизаветы Петровны, а позже данный иконостас установили в построенном на этом месте каменном храме (1804 г.), возведенном после сноса ветхого деревянного церковного строения.

По мнению современников, Знаменская церковь принадлежала к числу наиболее красивых храмов Северной столицы. При нем с 1865 года открыли приходское благотворительное общество для вспоможения бедным и приют для приходящих детей. Общество за свой

счет до 1917 года содержало богадельню для престарелых и увечных женщин, убежище для малолетних детей-сирот со школами, бесплатной столовой и квартирой для них.

В 1922 году по решению ВЦИКа из храма изъяли все ценности. Со временем гонения на церковь усилились, священнослужителей и активно защищавших храм прихожан обвинили в антисоветской деятельности и репрессировали. Знаменская церковь не избежала уничтожения.

Дом генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга Н. И. Чичерина

После завершения разборки временного Зимнего дворца императрицы Елизаветы Петровны Большую Морскую улицу вновь продолжили до Невского проспекта. Часть освобожденного квартала между рекой Мьей, Большой Морской улицей и Невской перспективой Екатерина II даровала обер-полицмейстеру Санкт-Петербурга, генерал-аншефу и сенатору Николаю Ивановичу Чичерину – человеку состоятельному, владевшему домами и имениями, жившему в столице на широкую ногу, отличавшемуся гостеприимством и хлебосольством. Небезынтересно отметить, что владелец огромного дарственного земельного надела обер-полицмейстер первой и последней столицы Российской империи, одно из «первоначальствующих лиц» Северной Пальмиры, генерал-аншеф и сенатор Николай Иванович Чичерин происходил из древней знатной итальянской аристократической семьи.

Его предки появились на Руси во второй половине XV столетия, обрели в Московском великом княжестве свою вторую родину и принимали активное участие в формировании и защите единого Российского государства.

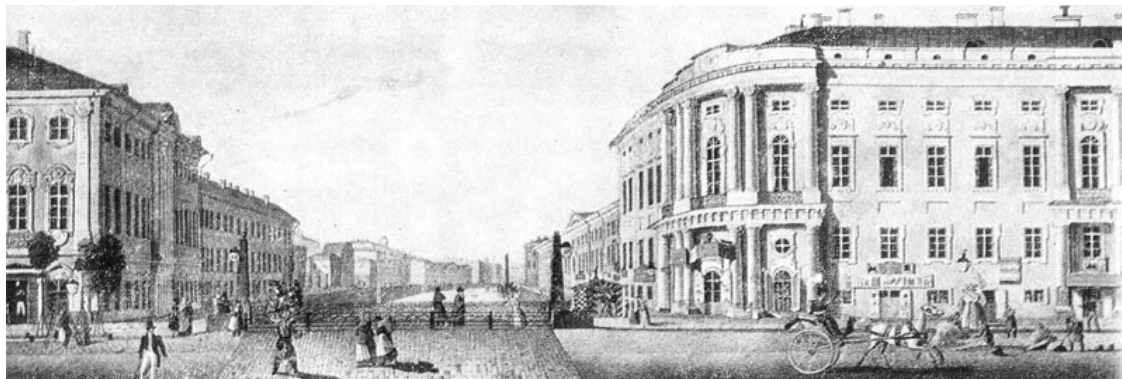
12 ноября 1472 года в Москву торжественно въехало большое иноземное посольство. Множество придворных сопровождало тогда Зою Палеолог – племянницу последнего византийского императора Константина XI, прибывшую в Москву в качестве невесты великого князя Московского и Владимирского и государя всея Руси Ивана III Васильевича, брак с которым способствовал возвеличиванию Русского государства, а его правитель становился преемником Византии. После венчания Зоя Палеолог нарекается великой княгиней всея Руси Софьей. И действительно, государь всея Руси Иван III Васильевич, получивший этот титул в 1478 году присоединил к Московскому великому княжеству Ярославль, Ростов, Новгород, Тверь, Вятку и ряд других автономных княжеств, сформировав территориальное ядро Российского государства, свергнувшего наконец после «стояния на Угре» и военных действий в 1480 году между ханом Большой Орды Ахматом и русской княжеской дружиной длительное татарское иго и прекратившего в дальнейшем выплату Орде ежегодной дани.

В сражениях и военных операциях Ивана III активное участие принимал осевший в Российском государстве и служивший ему верой и правдой придворный византийского императора Константина XI, сопровождавший великую княгиню Софью Палеолог, итальянец Чичерони, ставший русским дворянином Чичериным, потомки которого поколение за поколением честно служили новой родине. Праправнук прибывшего на Русь итальянца боярский сын Дмитрий Иванович Чичерин пал смертью храбрых при взятии Казани в 1552 году, а подпись его внука думного боярина Ивана Ивановича Чичерина стоит среди прочих под грамотой об избрании на престол первого государя Романова – царя Михаила. Иван Андреевич Чичерин храбро сражался со шведами и был убит в решительной атаке Полтавского сражения. Его сын, полковник Василий Иванович Чичерин, служил первым полтавским военным комендантом.

В начале царствования императрицы Екатерины II прекрасную служебную карьеру сделали два брата из рода дворян Чичериных – Денис Иванович, генерал-губернатор Сибири, и Николай Иванович, назначенный императрицей в 1764 году сенатором и санкт-петербургским генерал-полицмейстером.

Николай Иванович Чичерин в возрасте 13 лет записывается в лейб-гвардии Семеновский полк. Через три года сержант Чичерин становится ординарцем Антона Ульриха Брауншвейгского, супруга российской правительницы Анны Леопольдовны. После бескровного государственного переворота Елизаветы Петровны 18-летний Николай Чичерин по лич-

ному распоряжению новой императрицы внезапно исключается из гвардии и переводится в армейский полк, правда, с производством в офицеры. Майор Н. И. Чичерин героически участвует в Семилетней войне, в чине полковника командует четвертым мушкетерским полком. В сражении получает тяжелое ранение, в 1760 году производится в генерал-майоры и назначается киевским обер-комендантом.

Полицейский мост через Мойку на Невском проспекте. Слева – дворец Строгановых, справа – особняк Н. И. Чичерина. 1830-е годы. Фрагмент Панорамы Невского проспекта В. С. Садовникова. Раскрашенная литография

С 1764 года Н. И. Чичерин указом Екатерины II становится генерал-полицмейстером Санкт-Петербурга, сенатором, а в 1773 году ему присваивается воинское звание генерал-аншефа.

Здание, которое по сегодняшний день известно как «дом Чичерина», возведено на солидном фундаменте бывшего временного Зимнего дворца императрицы Елизаветы Петровны. Столь почетное место для особняка генерал-полицмейстера Екатериной II было подарено с умыслом, ибо царица прекрасно понимала значимость и важность должности столичного генерал-полицмейстера, в обязанности которого входила забота о порядке в Санкт-Петербурге и непосредственной безопасности жизни его подданных.

На участке земли, пожалованном императрицей Чичерину, развернулось активное строительство дома столичного полицмейстера. Автор его проекта, к сожалению, до сих пор неизвестен. Исследователи разных лет приписывали здание творчеству многих известных зодчих. Считают все же, что наиболее убедительно выглядит версия об авторстве Георга Фельтена, бывшего помощника архитектора Ф.-Б. Растрелли, помогавшего своему мэтру при строительстве Зимнего дворца. И действительно, архитектурные членения дома генерал-полицмейстера имеют некое сходство с фасадами Зимнего дворца. Тем более что стилистика фасада дома – переход от барокко к раннему классицизму – прослеживается и в других архитектурных творениях зодчего Фельтена.

Отличительной особенностью фасадного решения построенного в 1768 году жилого дома Н. И. Чичерина является двухъярусная колоннада: нижнего яруса – тосканского, верхнего яруса – композитного ордера.

Тридцать шесть колон, украшающих по сей день фасад этого исторического петербургского здания, стали на долгие годы его достаточно выраженными и запоминающимися индивидуальными архитектурными признаками, закрепившими за этим особняком дворцового типа неофициальное наименование «дом с колоннами».

Главные парадные помещения в здании размещались на третьем этаже, где находился двухсветный зал в центре и располагались вдоль Невского проспекта пять симметричных

небольших залов – средний двухсветный, два промежуточных и два угловых, овальных с колоннами.

Во внутренней планировке здания, выходящего своими фасадами на три улицы, преобладают помещения криволинейных в плане очертаний, типичных для зодчества раннего классицизма. К сожалению, первоначальная внутренняя отделка этих покоев дома практически не сохранилась после их многочисленных временных перестроек. Предполагают, что лишь один из них, круглый угловой зал третьего этажа здания, выходящий на правый берег реки Мойки, все же сохранил некоторые элементы отделки внутренней планировки XVIII столетия. Это в определенной степени подтверждается и оформлением входа в зал с двумя колоннами коринфского ордера и двумя пилястрами из искусственного мрамора, расположенными на высоких пьедесталах.

Особняк генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга Н. И. Чичерина. Современная фотография

Владелец дворцового особняка генерал-полицмейстер Чичерин и его семейство разместились в парадных покоях третьего этажа, а остальные помещения сдавались в аренду состоятельным жильцам. Огромный дом Чичерина располагался в центре столичного города, и поэтому нижние помещения здания постоянно арендовали солидные и достаточно богатые организации. Здесь разместились основные производственные цеха «Вольной типографии» (1774 г.), а позже располагались известная книжная лавка купца Шарова, овощная лавка купца из Италии Бертолотти, продававшего «на иностранный манер» в розницу чай, кофе, сахар, миндаль, изюм, масло, сыр, широкий ассортимент знаменитых итальянских колбас, круп, макаронных изделий и т. д. Здесь же располагались продуктовые отделы знаменитой столичной лавки съестных припасов «Амстердам».

С 1780 года в парадном отсеке дома Н. И. Чичерина арендовал четырехкомнатную квартиру за 300 рублей в год около трех лет знаменитый столичный зодчий Джакомо Кваренги, незадолго до этого приехавший в Россию.

Парадные помещения дома генерал-полицмейстера Чичерина, начиная с 1778 года, арендовало петербургское музыкальное общество «Клубный дом». В продолжение восьми месяцев в году оно по субботам устраивало здесь замечательные концерты и проводило веселые маскарады и балы. «Клубный дом» насчитывал более 500 постоянных членов общества. Прием новых членов производили путем баллотировки. Членский взнос составлял 15 рублей в год. На весь Санкт-Петербург славился замечательный оркестр «Клубного дома», состоявший из 50 превосходных музыкантов. В периодических концертах с успехом участвовали знаменитые певцы и певицы придворных Императорских театров и капеллы. Администрация клуба периодически приглашала к себе на гастроли иностранных знаменитостей и музыкальных виртуозов Европы. При этом гастролерам за каждое выступление выплачивались огромные по тем временам гонорары в 100–200 и более рублей.

Большой популярностью у петербуржцев пользовались организуемые руководством «Клубного дома» субботние маскарады, на которые члены клуба пропускались бесплатно, а для остальных продавались входные билеты. Об этом администрация предусмотрительно сообщала в рекламном разделе газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Петербургский обыватель мог ознакомиться с программой маскарадного вечера и правилами прохода в парадные помещения «дома с колоннами», где обычно проходили музыкальные концерты и веселые маскарады: «Как швейцар, по недавнему его в должность выступлению, не имеет чести лично знать всех членов, то старшины просят, чтобы сии при входе благоволили предъявлять ему свои билеты, потому что ему приказано таких, каких он не знает, без билетов не пущать».

В клубе можно было также поиграть в карты, на бильярде и даже поужинать в долг. Расходы клуба постепенно стали превышать доходы, число же посетителей с годами заметно уменьшилось.

Дом, построенный обер-полицмейстером, сразу вызвал чрезвычайный интерес жителей города. О нем писали довольно часто, регулярно упоминали в своих работах столичные зодчие и историки.

Наводнение в Санкт-Петербурге 21 сентября 1777 года

В 1762 году по распоряжению Екатерины II учреждается Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы. Генерал-полицмейстеру Чичерину поручаются разработка плана развития благоустройства столицы, строительство новых мостов, укрепление набережных рек и каналов, улучшение уличного освещения, происходит ужесточение контроля за санитарным состоянием города.

1777 год стал последним годом успешной служебной карьеры Н. И. Чичерина на посту генерал-полицмейстера. Грандиозное наводнение в сентябре нанесло не только огромный материальный ущерб городу, но и стало причиной значительного количества погибших в ночь на 21 сентября. На пике разразившейся страшной бури Нева вышла из берегов. Вода в ней тогда поднялась на 310 см выше ординара и мгновенно затопила город. Незатопленными в тот день остались только Литейная часть и Выборгская сторона. Историк Г. И. Георги с прискорбием писал: «...сие наводнение случилось во время ночи, почему множество людей и скотов пропало...». Многие деревянные дома унесло в море. Пострадали петербургские сады. В Летнем саду буря повалила много деревьев, опрокинула и разбила мраморные статуи. Безвозвратно погибли фонтаны, беседки, павильоны.

Екатерина II в письме к немецкому филологу Якобу Гримму делилась своими впечатлениями о наводнении 1777 года: «По набережной, которая еще не окончена, громоздились трехмачтовые купеческие корабли. Я сказала: „Боже мой! Биржа переменила место, графу Миниху придется устроить таможню там, где был Эрмитажный театр“. Сколько разбитых стекол... Большое окно упало на землю подле самого стола, весьма прочного. Ветром сорвало с него массивную крышку».

В Зимний дворец можно было лишь приплыть на лодке по Большой Морской улице и затопленной водой Дворцовой площади. Все пристани на Неве, городских реках и каналах были повреждены могучим напором водной стихии. В этот трагический день наводнение вывело из строя многие городские мосты. Некоторых из них бурные потоки воды сорвали с как будто бы надежных опор и сдвинули с привычных мест.

Наводнение стало причиной гибели жителей столицы нижних этажей зданий. Застигнутые ночью врасплах ворвавшимся в жилища мощным потоком воды люди тонули прямо у себя на квартирах.

Императрице называли разные итоговые цифры жертв наводнения в ночь на 21 сентября 1777 года. Число погибших исчислялось от двух до пяти тысяч человек.

В те трагические дни в столице стали распространяться самые немыслимые слухи и легенды о числе жертв и невероятных условиях смерти некоторых важных политических персон. Подобные домыслы нередко обрастали неправдоподобными фантастическими подробностями и деталями. Одна из легенд, поразившая обывателей странными обстоятельствами и деталями смерти во время наводнения в каземате Петропавловской крепости, якобы связана с гибелью в затопленной камере узницы, оставшейся в русской истории под именем княжны Таракановой, считавшейся самозванкой, выдававшей себя за дочь русской императрицы Елизаветы Петровны. Эта версия о гибели княжны Таракановой во время наводнения в Санкт-Петербурге в 1777 году муссировалась довольно долго во всех слоях столичного общества и даже послужила сюжетом для наделавшей в 1865 году немало шума и беспокойств представителям царствующего дома Романовых картины талантливого русского художника К. Д. Флавицкого, изобразившего на большом полотне легендарный сюжет страшной гибели княжны Таракановой в затопленной водой камере одного из казематов Петропавловской крепости.

Августа Тимофеевна Тараканова

Активно сотрудничавшие в известной отечественной фирме Большого энциклопедического словаря издателей Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона редакторы – старший хранитель Эрмитажа, историк искусства Андрей Сомов и выдающийся историк и библиограф Семен Венгеров – в статье о Таракановой, включенной в знаменитый словарь, писали: «Под этим именем, оказывается, известны две княжны: одна действительная, другая самозванка...». По мнению авторов энциклопедической статьи, в русской истории действительно отмечена княжна Августа Тимофеевна Тараканова (1741–1810), рожденная от мorganатического брака императрицы Елизаветы Петровны с А. Г. Разумовским. Первоначально девочку отправили

за границу, где она получила прекрасное воспитание, но в 1785 году по распоряжению императрицы Екатерины II принцессу возвратили в Россию и определили на вечное содержание в Московский Ивановский монастырь, предназначенный исключительно для призрения вдов и сирот знатных людей Российской империи. Проведя скрупулезный архивный поиск, авторы отметили, что эта дочь Елизаветы Петровны, пробыв некоторое время послушницей монастыря, вскоре прошла церковно-христианский обряд пострига и была посвящена в монахини под именем сестры Дорофеи. Сестра Дорофея прожила в монастыре до конца своей жизни в полнейшем уединении, в отдельной келье, занимаясь благотворительностью, чтением душеполезных книг и рукоделием. Даже церковное богослужение всегда совершалось исключительно для нее одной. Последние годы монахиня Дорофея провела в безмолвии и считалась «праведной»: «Росту она была среднего, худощава и редкой красоты. Только после смерти императрицы Екатерины II ее стали навещать митрополит Платон и знатные российские лица. На похоронах Августы Тимофеевны Таракановой, при большом стечении народа, присутствовали родственники графов Разумовских и множество высших столичных сановников. Похоронена княжна Тараканова в Ново-Спасском монастыре, в усыпальнице бояр Романовых».

Самозванка же, по данным исследователей и авторов статьи в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, также была прекрасно воспитана, отличалась редкой красотой и умом, имела массу поклонников, которых она сумела разорить и даже довести до тюрьмы. Перебравшись в Италию в начале 1774 года, самозванная княжна Тараканова стала открыто называть себя дочерью русской императрицы Елизаветы Петровны, сестрой убиенного императора Петра III и законной претенденткой на русский престол. Из разных городов Италии авантюристка рассылала европейским политикам письма и манифесты, в которых информировала их о своем «законном праве» занимать русский престол и подтверждала сказанное фальшивыми копиями духовного завещания покойной российской императрицы Елизаветы Петровны.

В «подметных» письмах авантюристка просила у политических и военных деятелей оказать ей действенную помощь в «законном» овладении властью на русском престоле, обещая всем невероятные личные и политические блага. Фальшивые документы от авантюристки получил и граф П. А. Пален – известный военный и государственный деятель Российской империи, в будущем один из организаторов убийства Павла I. Подобные подложные документы «сестра Петра III» направила также турецкому султану, воевавшему тогда на Черном море с Россией, и даже командующему русской эскадрой в Средиземном море во время Русско-турецкой войны 1768–1774 годов, получившему за победы у Наварина и Чесмы титул графа, Алексею Григорьевичу Орлову-Чесменскому.

Алексей Григорьевич Орлов

Авантюристка с надеждой обратилась к главнокомандующему русским флотом графу Алексею Орлову с соблазнительным предложением помочь ей, как наследнице престола, овладеть тронem. Зная предысторию двух удачных государственных переворотов в России, итогом которых стало воцарение на русском престоле императриц Елизаветы Петровны и Екатерины Алексеевны, «княжна Тараканова» в своих дерзких планах рассчитывала так же завершить свой авантурный роман и воцариться на российском троне с помощью военных моряков русской эскадры и гвардейских частей, находившихся тогда в распоряжении и подчинении фаворита Екатерины II Алексея Орлова, задушившего арестованного императора Петра III. Однако умудренный опытом последнего государственного переворота граф Алек-

сей Орлов незамедлительно сообщил своей благодетельнице об активных политических интригах появившейся в Европе очередной претендентки на русский престол, распространявшей всюду слухи о своем «царском» происхождении. Русская императрица, понимая, сколь неустойчивым может быть ее положение на русском престоле, крайне обеспокоилась полученным от Алексея Орлова известием. Сразу же после коронации Екатерина II неожиданно столкнулась с появлением на великом пространстве России и за ее пределами целой вереницы самозванцев. В 1764 году в Курской губернии внезапно появился небогатый армянский купец Антон Асланбеков, а через год в Усманском уезде Воронежской губернии в роли претендента на императорский престол вдруг выступил дезертировавший из армии беглый солдат Гаврила Кремнев. В октябре 1767 года в далекой Черногории свои права на русскую царскую корону предъявил «местный» государь Петр Федорович. В течение двух лет (с 1773 по 1775 гг.) объявился новый самозванец – предводитель крестьянской войны, выдававший себя за Петра III, именно под этим именем донской казак, хорунжий Емельян Иванович Пугачев даже объявил народу вечную волю и жаловал ему земли. Томившийся в тюремном каземате законный и даже коронованный император, наследник и племянник императрицы Анны Иоанновны также вызывал у Екатерины Алексеевны особое беспокойство. Коменданту Шлиссельбургской крепости она приказала убить находившегося там Ивана Антоновича при малейшей попытке его освобождения из крепостного каземата. Распоряжение императрицы было немедленно выполнено в ночь с 4 на 5 июля 1764 года после неудачной попытки подпоручика Мировича освободить из застенка арестованного законного русского императора Иоанна VI Антоновича.

И вот в 1773 году у Екатерины II появилась еще одна реальная опасность в лице претендентки на русский престол – самозванки «княжны Таракановой», выдававшей себя за дочь Елизаветы Петровны и ее фаворита графа Разумовского. В данном случае Екатерина II действовала быстро и весьма решительно. На флагманский корабль командующего русским флотом графа А. Г. Орлова, стоявшего на рейде в Лигурийском море, вблизи итальянского города Ливорно, пришло грозное распоряжение российской императрицы: «Не мешкая схватить „бродяжку“ и доставить морем в Кронштадт».

После смерти Петра Великого менявшиеся на троне российские правители достойного внимания флоту не уделяли. Только при Екатерине II флот вновь обрел свое назначение как действующее орудие политики энергичной и волевой русской императрицы. Тогда Россия вернула многие потерянные в прежние годы территории и располагала такой морской силой на Балтийском и Черном морях, что одно ее движение заставляло даже могучую державу Британию отказываться от своих воинственных планов. В числе избранных талантливых флотоводцев находились тогда не только русские по происхождению моряки, но и прибывшие по контракту из-за границы и добросовестно служившие России иностранные морские офицеры.

Самуил Карлович Грейг

Адмирал Самуил Карлович Грейг относился именно к таким личностям – флотоводец и новатор в деле кораблестроения, немало сделавший для развития и усиления Российского флота. Его деятельность на благо России была удостоена высших наград Российской империи за знаменитые исторические сражения на море, особенно за победы при Чесме и Гогланде.

Императрица Екатерина II высоко ценила деяния этого талантливого флотоводца. По ее приказу после смерти адмирала Грейга, о котором она сказала: «Великая потеря – государственная потеря», флотоводец был похоронен в Вышгородской лютеранской, самой древней церкви Ревеля (Таллина). По распоряжению императрицы, скульптор И. П. Мартос изготовил мраморное надгробие с надписью: «Самуилу Грейгу, шотландцу, главнокомандующему Русского флота, родился 1735, умер 1788. Его славят немолчной песнью Архипелаг, Балтийское море и берега, охраняемые от вражеского огня. Его славят его доблести и непроходящая скорбь великодушной Екатерины II». В память адмирала тогда была выбита большая золотая медаль.

В 1773 году адмирал Грейг, командовавший в Архипелаге эскадрой из четырех кораблей и двух фрегатов, блокировал устье Дарданелл, затем с графом А. Г. Орловым прибыли из Архипелага в Ливорно. Из него после заключения мира адмирал отправился к Паросу, где принял на суда гвардейскую команду и возвратился в Ливорно.

В период боевых действий русского флота в Средиземном море адмиралу довелось оказать императрице услугу особого, секретного рода. Исполняя приказ Екатерины II, граф А. Г. Орлов, используя свое неотразимое обаяние и верную заграничную агентуру, заставил разъезжавшую по Европе молодую авантюристку поверить ему, что он является ее идейным сообщником и страстным любовником. Граф прибыл в Ливорно вместе с ней на находившуюся там эскадру Грейга. Пренеприятная функция ареста и доставки мошенницы в Россию легла на боевого адмирала. 14 февраля эскадра снялась с якоря и ушла из Ливорно. До берегов туманного Альбиона пленница вела себя спокойно, но поняв, что ее обманули, предалась такому отчаянию, что привлекла внимание людей в английском порту. Грейгу пришлось срочно сняться с якорей и уйти с эскадрой в море. Позже в приватной беседе адмирал горестно сетовал графу Орлову, что «он не имел в жизни более трудной комиссии, чем этот поход из Ливорно в Санкт-Петербург».

22 мая эскадра наконец прибыла в Кронштадт, где Грейг, получив высочайший указ, сдал пленницу с рук на руки прибывшей охране, отправившей ее в закрытой карете в Петропавловскую крепость, где она была заточена в один из самых мрачных крепостных рavelинов.

В крепости «доставленная бродяжка» подверглась жестокому допросу фельдмаршала князя А. М. Голицына и умерла в камере от чахотки в 1775 году, скрыв от следователей имена сообщников и тайну своего рождения.

Легенда о ее гибели в каземате Петропавловской крепости во время трагического наводнения 1777 года, таким образом, явилась очередным досужим историческим вымыслом.

Вину же за массовую гибель своих подданных, утонувших в домах в день чудовищного наводнения, Екатерина II полностью возложила на бездейственность и нерасторопность петербургской полиции, а их шефа, генерал-полицмейстера Н. И. Чичерина, государыня соизволила прилюдно назвать трусом. Екатерина II отстранила генерал-аншефа от всех государственных постов и должностей, несмотря на то, что он и его подчиненные всю тревожную ночь делали все возможное для спасения людей и их имущества.

Примечательно, что именно накануне трагических событий генерал-полицмейстер представил императрице на утверждение перечень экстренных мер на случай стихийного водного бедствия в столице и разработанных им сигналов оповещения населения в подобных ситуациях: «О производстве трех выстрелов из пушек при начале наводнения и поднятии на шпиках красного флага, а ночью – трех фонарей. А когда вода уйдет – на шпик Адмиралтейства поднимать со всех четырех сторон по одному красному флагу». Однако этот указ запоздал и вовремя принят не был. Прибыв же после наводнения в Зимний дворец, Чичерин был холодно встречен императрицей, которая, в гневе обернувшись к генерал-поли-

мейстеру, язвительно промолвила: «Благодарствуй, Николай Иванович! По милости твоей погибло несколько тысяч моих добрых подданных!»

Прямо тут же, в императорском кабинете, с генералом случился удар. Полуживого Николая Ивановича отнесли домой. На следующий же день газеты публично обнародовали императорский указ о полной отставке «по болезни» опального генерал-полицмейстера.

Немного оправившись от сердечного приступа, Николай Иванович обратился за помощью к Потемкину, ибо тот знал его как храброго и исполнительного офицера. Светлейший князь Таврический, фаворит и ближайший помощник Екатерины II, Григорий Александрович добился у императрицы смягчения взыскания. Чичерина восстановили в должности сенатора, но с обязанностями генерал-полицмейстера он распрощался навсегда.

После отставки Н. И. Чичерина в опалу императрицы «за компанию» попадает и его брат – сибирский генерал-губернатор Денис Иванович Чичерин. Екатерина II, по воспоминаниям очевидцев, перестала замечать этого талантливого государственного деятеля, пекущегося о северных краях Российской империи, укрепляющего там влияние России и значимость ее северных границ. По его инициативе были приобретены для Российской империи Алеутские острова – архипелаг из 110 островов и множества скалистых участков на севере Тихого океана, служащих продолжением нынешнего североамериканского полуострова Аляска. Гряда этих островов в виде дуги длиной около 2400 км доходит почти до самой Камчатки, служит как бы соединительным мостом между Азией и Америкой и отделяет Берингово, или Камчатское, море от Тихого океана. Алеутские острова один за другим открыты во время второго путешествия Беринга в 1741 году. В 1785 году там появились первые русские военные укрепленные поселения по инициативе сибирского губернатора Д. И. Чичерина, фактически распространившего на Алеутские острова влияние Российской империи. Однако позже, по торговому сговору 30 марта 1867 года, Алеутские острова вместе с Аляской, за исключением Берингова и Медного островов, перешли в собственность Соединенных Штатов Америки.

В 1777 году энергичный и талантливый сибирский генерал-губернатор, незаслуженно потерявший доверие русской императрицы, вынужден был добровольно подать в отставку и оставить важный административный пост на севере Российской империи. Его брат Николай Иванович также практически самоустранился от государственных и общественных дел, около пяти лет никуда не выходил, и многие его знакомые, даже весьма близкие друзья, тогда были уверены, будто он еще в 1777 году скончался от апоплексического удара непосредственно в Зимнем дворце во время учиненного ему Екатериной II жестокого выговора. После смерти Николая Ивановича у него обнаружилось столько долгов, что его наследники вынуждены были срочно продать поместья и деревни в Тамбовской и Пензенской губерниях, дома в Петербурге и имения в Эстляндской губернии. Подобному, между прочим, никто не удивился, ибо итог широкого гостеприимства земного существования представителя старинного дворянского рода по тем временам отнесли к довольно частым рядовым событиям.

Для погашения всех долгов своего умершего в 1782 году опального батюшки Н. И. Чичерина его наследники – сыновья Александр, Василий и Дмитрий – вынуждены были срочно заложить отчий «дом с колоннами» в Опекунский совет за 30 000 рублей. А позже, в 1792 году, даже продать подаренный Екатериной II значительный по своим размерам престижный участок земли, ограниченный правым берегом реки Мойки, Большой Морской улицей и Невским проспектом вкупе с родительским особняком дворцового типа и многочисленными внутренними хозяйственными дворовыми строениями князю Алексею Борисовичу Куракину (сыну гофмейстера Бориса Александровича Куракина и Елены Степановны Апраксиной и брату князей Александра и Степана, получивших блестящее образование за границей и занимавших важные государственные посты в период правления императора Павла I).

С этого времени знаменитый «дом с колоннами» повторяет судьбу многих своих столичных собратьев – переходит из рук в руки различных владельцев, постепенно меняет облик внутренних помещений и их функциональное назначение, переносит невзгоды и исторические перемены. Однако отрадно отметить, что, несмотря на неоднократные внутренние переделки в доме различными его владельцами, общий наружный облик здания, построенного обер-полицмейстером Санкт-Петербурга Н. И. Чичериным, за истекшие более чем две с половиной сотни лет не претерпел особых изменений. Основа особняка дворцового типа осталась прежней.

Новый владелец «дома с колоннами», князь, камергер и тайный советник Алексей Борисович Куракин, прослужив несколько лет в элитном Конногвардейском полку, в период царствования императора Павла I завершает свою блестящую военную карьеру и занимает весьма ответственные государственные посты. Император назначает его генерал-прокурором с чином действительного тайного советника. При подобном ответственном назначении Павел Петрович обеспечивает князя довольно широким кругом государственных полномочий, позволяющих государственному чиновнику оперативно решать многие важные вопросы внутреннего управления Российской империи.

Современники и сослуживцы члена Государственного совета князя А. Б. Куракина довольно нелестно отзывались о нем. По их воспоминаниям, князь обладал довольно заносчивым характером и в свете считался спесивцем и зазнайкой. Князь И. М. Долгоруков, некогда известный поэт, знавший князя Алексея Борисовича весьма близко, вспоминал о нем: «Сановник являл собой пример гордеца, не склонного уважать самолюбие окружавших его людей. Он во всем всегда следовал своим капризам и сиюминутному расположению настроения. Всякий знак его внимания, даже самого благодетельного, был тяжел, потому что покупался не столько подвигами, званию свойственными, как разными низкими угождениями, кои так противны благородному сердцу».

Алексей Борисович Куракин

Женив своего весьма способного в делах секретаря Л. С. Кармалеева на своей внебрачной дочери и поселив молодую семейную пару в своем доме, князь Алексей Борисович фактически передал секретарю все текущие дела по своему Департаменту государственной экономии, которым тогда заведовал. Вездесущий же Кармалеев лихо и довольно умело практически руководил всеми делами этого важного государственного департамента, никогда не забывая о своей финансовой выгоде, естественно, нанося при этом немалый ущерб российской казне. В секретном донесении агента Третьего отделения приводятся весьма нелестные отзывы о роли князя и его доверенного лица Л. С. Кармалеева в текущих делах этого государственного учреждения: «Кармалеев женат на побочной дочери князя Алексея Борисовича

Куракина, живет в его доме и занимается всеми его делами, пишет ему мнения, ворочает всем, что зависит от Куракина, и наживается всеми возможными средствами. Он принадлежит к разряду подьячих, весьма искусен в так называемых крючках, а впрочем, повинуетя безусловно страстям Куракина, который иначе не действует, как по внушению страстей».

В историческом описании Северной столицы И. Г. Георги отмечал, что «Чичерин дом в первой Адмиралтейской части по-прежнему арендует Музыкальный клуб, оставшийся здесь при князе А. Б. Куракине. Правда, финансовые дела этого „Клоба“ со временем ухудшались, а мероприятия программы „Клубного дома“ требовали со временем более значительных расходов и денежных затрат». В конечном итоге казна этого знаменитого столичного музыкального общества настолько опустела, что оно вынуждено было официально признать себя банкротом и несостоятельным должником. В 1790 году «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали, что «клуб открыл дополнительный прием вместо отбылых вновь желающим вступить сочленами». В 1792 году администрация «Клубного музыкального дома», наконец полностью разорившись, вынуждена была для погашения долгов распродавать с публичного торга свое имущество, предварительно опубликовав в «Санкт-Петербургских ведомостях» печальное объявление о том, что «продаваться будут в прежде Чичериновом, ныне Куракином доме оставшиеся от Музыкального клоба вещи: музыкальные инструменты, столовая поваренная посуда, серебро и мебели».

А ведь совсем недавно «Клубный музыкальный дом» процветал и был весьма популярен у петербуржцев. В 1780-х годах его регулярно посещали А. Н. Радищев, В. В. Капнист, Д. И. Фонвизин, И. Е. Старов, Ф. И. Шубин, Дж. Кваренги и многие другие знаменитые жители Северной столицы.

Однако распродажа с публичного торга редких уникальных музыкальных инструментов, старинной серебряной и фарфоровой посуды не позволила организаторам музыкального клуба полностью погасить образовавшийся долг. С банкротством «Музыкального клоба» в доме князя Куракина прекратилась также активная деятельность собраний «вольных каменщиков», несмотря на то что сам новый хозяин «дома с колоннами» с давних пор являлся одним из активнейших членов масонской ложи. В первом же этаже дворцового особняка, также как при генерал-полицмейстере Н. И. Чичерине, продолжали активно и выгодно работать самые разнообразные лавки и магазины, регулярно публикующие в столичных газетах свою призывную рекламу типа: «Против Полицейского моста в угольном князя Куракина доме в Итальянской лавке можно получить недавно выписанный нюхательный табак, ла ферм называемый, в бутылках, жестянках и полужестянках, также разного рода курительный, равно кофе мокку, шоколад, лоделаван и лодеколонь».

В начале 90-х годов XVIII столетия «дом с колоннами» арендовал «Бюргер-клуб», первоначально называвшийся «Малым мещанским собранием». Увеселительное «собрание» организовали для развлечения молодых людей. Согласно уставу «Бюргер-клуба», его членом мог стать любой столичный житель из числа лиц всех свободных профессий и состояния, по рекомендации действительного члена клуба. Членами «Бюргер-клуба» в 1790 году являлись 650 человек, вносивших вступительные взносы в размере 28 рублей, а в последующие годы – по 11 рублей. По понедельникам, средам и субботам в клубе проходили общие собрания членов «Малого мещанского собрания», а в воскресенье устраивались музыкальные вечера и веселые танцы. Клуб славился своими замечательными и довольно дешевыми обедами из пяти блюд, стоившими 1 рубль 25 копеек медью.

Клуб занимался благотворительной деятельностью, жертвуя ежегодно 700–800 рублей ассигнациями в пользу бедных и сирот.

В 1794 году по распоряжению владельца дома князя А. Б. Куракина «дом с колоннами» расширили. На правом берегу реки Мойки к бывшему особняку генерал-полицмейстера Н. И. Чичерина пристроили каменный трехэтажный флигель, фасад которого выходил на набережную.

режную. Центр трехэтажного крыла здания с 21 окном вдоль Мойки подчеркивался фронтоном.

В свои молодые годы в доме князя Куракина арендовал квартиру будущий российский государственный деятель, ближайший советник Александра I, автор плана либеральных преобразований, инициатор создания Государственного совета и фактический руководитель кодификации Основных государственных законов Российской империи граф Михаил Михайлович Сперанский. Окончив духовную семинарию, Михаил Михайлович был оставлен преподавателем математики и физики. Для дополнительного заработка он поступил на службу в должности одного из секретарей князя А. Б. Куракина. 3 ноября 1798 года Сперанский обвенчался с дочерью английского священника Стивенса – Елизаветой. Однако семейное счастье будущего знаменитого реформатора Российской империи длилось недолго, ибо через год, после рождения дочери, супруга скорострительно скончалась от быстротечной формы туберкулеза легких – чахотки.

Михаил Михайлович Сперанский

С годами Алексей Борисович Куракин не только старел и приобретал соответствующие возрасту недуги, но и практически утратил всякое желание нести ответственную государственную службу. В конце своего царствования император Павел I стал смещать со своих мест чиновников всех рангов, в том числе и тех, кто находился в его ближайшем окружении. За год до трагической гибели своего благодетеля князь А. Б. Куракин выходит в отставку и уезжает из столицы в одно из своих многочисленных имений. «Дом с колоннами» на углу Невской перспективы и правого берега Мойки его управляющий по распоряжению князя выгодно продает богатому херсонскому купцу 1-й гильдии А. И. Перетцу, разбогатевшему на солидных кораблестроительных подрядах и откупках.

Заметим, что откупками в те далекие времена являлась денежная плата, выкуп, которыми в Российской империи «откупались» (освобождались) от чего-либо. В России до 1863 года право на взимание с населения налогов на исключительное ведение торговли или пользование чем-либо, предоставляемое государством частному лицу за денежный взнос, доверялось откупщику – лицу, приобретшему право на откуп. В период Отечественной войны 1812 года купец 1-й гильдии Абрам Израилевич Перетц назначается одним из активных интендантов русской армии, снабжавших тогда всем необходимым воинские подразделения. Про него неоднократно писали корреспонденты отечественных газет, расхваливая его организаторские способности и умение наладить своевременное снабжение русских армий. Столичные газеты неоднократно упоминали, что «А. И. Перетц являлся человеком весьма образованным, ученым, знавшим разные иностранные языки, жил и одевался по гражданским обычаям». В дополнение к характеристике очередного нового владельца дома на правом берегу реки Мойки и Невского проспекта следует добавить, что он многие годы одновременно был еще и основным поставщиком соли в казну. Купец являлся выходцем из Волыни, где многие годы проживали его предки – богатая еврейская семья, давшая своему способному отпрыску не только возможность получить прекрасное образование, но и не препятствовавшая принятию им лютеранского вероисповедания, крупнейшего по численности объединения протестантизма.

Абрам Израилевич Перетц

А. И. Перетц довольно выгодно женился на дочери весьма состоятельного волынского коммерсанта и ученого фон Цейтлина, назначившего зятя главным представителем своей торговой фирмы в Санкт-Петербурге.

К сведению читателей, Волынь, в которой многие годы жили предки А. И. Перетца, является достаточно древней областью, существовавшей с IX–XII веков, заселенной славянскими племенами. В X веке Волынь подчинялась киевским князьям. С 1117 года эта область на многие годы становится дополнительным княжеством Владимира Мономаха, а в период с 1172 по 1205 годы князь Роман Мстиславович присоединил Волынь к Галицкому княжеству. В последующие времена Галиция находилась под протекторатом короля Польского, а затем

князя Литовского. В 1569 году по Люблинской унии Волынь становится Волынской губернией. В 1793 году по второму разделу Польши Россия получила восточную часть Волыни, а в 1795 году – западную, образовав при этом в 1797 году Волынскую губернию Российской империи. С целью русификации этой новой российской территории и устранения преобладания в ней поляков указом императора Николая I иностранцам в дальнейшем категорически воспрещалось приобретение земельной собственности в Волынской губернии.

Брак купца 1-й гильдии А. И. Перетца оказался счастливым. В семье подрастали четверо сыновей. Старший сын, Григорий Абрамович Перетц, получил прекрасное домашнее образование, окончил курс столичного Педагогического института и успешно служил в канцелярии петербургского генерал-губернатора. Правда, круг его новых знакомых и близких друзей вовлек молодого человека в российскую тайную организацию декабристов – Союз благоденствия, основанный на базе Союза спасения в 1821 году. По протекции заведующего канцелярией столичного губернатора генерала М. А. Милорадовича, Ф. Н. Глинки – активного участника Отечественной войны с наполеоновской Францией, известного поэта и писателя, – Г. Перетца включили в активную работу Северного общества. Г. А. Перетц не принимал непосредственного участия в акции на Сенатской площади и к восставшим не примкнул, но все же был через два дня арестован и препровожден в Петропавловскую крепость. По приговору суда его обвинили в правительственном заговоре и выслали из столицы в город Пермь.

Второй сын А. И. Перетца становится известным горным инженером и даже назначается начальником штаба Корпуса горных инженеров. Третий сын, Николай, впоследствии занимал должность директора Технологического института. Самый младший сын купца, Егор, появившийся на свет в год смерти главы семейства, со временем становится действительным тайным советником, затем – государственным секретарем, а на вершине своей служебной карьеры назначается членом Государственного совета.

Глава семьи купец Абрам Израилевич Перетц владел знаменитым петербургским особняком дворцового типа сравнительно недолго. Его домочадцы занимали в нем далеко не роскошные помещения, поскольку парадные покои дома до 1801 года сдавались владельцем в аренду семейству столичного генерал-губернатора и члена Государственного совета графу Петру Алексеевичу Палену, который характеризовал себя весьма оригинально, при этом свое необычное прозвище Ванька-встанька граф фон дер Пален себе выбрал сам: «Я, – любил говаривать генерал-губернатор, – похож на те маленькие куколки, которых хотели бы опрокинуть и поставить вверх ногами, но кои всегда опять становятся на ноги». История жизни этого государственного деятеля действительно напоминала русскую известную фигуру ваньки-встаньки.

Человек холодного ума и сердца, граф нередко попадал в серьезные неприятные жизненные истории, но, согласно своему прозвищу, благополучно выходил из неблагоприятных ситуаций, раскачивался и вновь уверенно становился на ноги.

И действительно, подобных доказательств у счастливчика графа Палена оказалось предостаточно. Родом он был из Лифляндии. Его предки являлись рыцарями знаменитого Тевтонского ордена. Он унаследовал от родителя, барона Арендта Дитриха Палена, рыцарскую жестокость, расчетливый ум и счастье в любых сражениях. Военную службу барон начал в 1760 году рядовым лейб-гвардии Конного полка, участвуя в Семилетней войне, в конце которой ему присвоили звание капрала гвардии, а два года спустя – вахмистра. В годы Русско-турецкой войны он награждается орденом Св. Георгия IV степени и чином ротмистра, затем – майора и подполковника.

При штурме Очакова генерал-майору Палену приказывается первым со своей колонной ворваться в крепость и тремя ракетами просигнализировать оттуда к началу общего штурма. Однако по неизвестной причине сигнальные ракеты были выпущены задолго до проникно-

вения отряда Палена в крепость. Начался одновременный штурм неприступной вражеской твердыни основными военными соединениями русских, захвативших крепость. По мнению командования, успеху важной операции тогда способствовало именно это преждевременное общее одновременное наступление русской армии. Пален вместо сурового наказания повышается в чинах и награждается орденом Св. Георгия III степени и Св. Анны I степени. Императрица Екатерина II жалует ему земли в Белоруссии и 500 крестьян.

Петр Алексеевич Пален

После воцарения на русском престоле Павла I барон фон дер Пален занял должность генерал-губернатора Курляндии и вновь проштрафился, невольно оказав в Риге пышный прием последнему фавориту Екатерины II – князю Платону Александровичу Зубову, выслан-

ному новым императором за границу. Объяснения, придуманные Паленом, Павла I не убедили, и барон был отправлен в отставку в тот же день. В сопроводительном приказе о наказании тогда говорилось следующее: «Господин генерал-лейтенант Пален. С удивлением осведомился я о всех подлостях, вами оказанных в проезде князя Зубова через Ригу; из сего я делаю сродное о свинстве вашем заключение, по коему и поведение мое против вас соразмерно будет. Павел». Однако все же через шесть месяцев император вернул Палену прежнюю должность и вновь приблизил к своему дворцу.

Пален очаровывает императора своей деловой хваткой, тонким остроумием и вскоре назначается петербургским генерал-губернатором. Он пользуется неограниченным доверием Павла I, возложившего теперь на своего любимца еще и должности директора почт и главы внешнеполитического ведомства. Выходца из рода рыцарей Тевтонского ордена Павел I вскоре жалует званием великого канцлера Мальтийского ордена. Одновременно с этим граф Пален становится кавалером высшего российского ордена – Андрея Первозванного.

Осыпанный императорскими благодеяниями граф прекрасно понимал, что при взбалмошном и весьма непостоянном характере императора он не мог быть спокоен за свою дальнейшую судьбу, ибо каждый день бывал свидетелем жутких сцен безрассудной царской опалы и наказания талантливых государственных деятелей и военачальников.

Эта ситуация заставила графа Палена скрытно заняться организацией заговора против императора с целью отречения своего благодетеля от престола. В каземате Петропавловской крепости тогда находился будущий легендарный герой Отечественной войны 1812 года донской войсковой атаман Матвей Иванович Платов, сподвижник А. В. Суворова и граф Российской империи, обвиненный в попытке отделить Донскую область от России. Не миновала несправедливая опала и легендарного отечественного адмирала Павла Васильевича Чичагова, заключенного в крепость по ложному доносу «о желании перейти в английскую службу». При его аресте Пален не удержался и заметил флотоводцу: «Мы теперь только это и видим, – сегодня вас, а завтра, может быть, и меня».

Нити столичного заговора против Павла I оказались в руках первоначальствующих лиц и столичного генерал-губернатора графа Палена, которому удалось создать соответствующую атмосферу в обществе.

На одном из собраний в бывшем доме генерал-полицмейстера Чичерина, где генерал-губернатор арендовал парадные покои у купца А. И. Перетца, граф Пален выступил с небольшой речью перед офицерами гвардии: «Господа! Государь приказал вам объявить, что он службою вашей чрезвычайно недоволен, что он ежедневно примечает ваше нерадение и леность, так что, ежели он и впредь будет замечать то же, то разошлет вас всех по таким местам, где и костей ваших не сыщут. Извольте ехать по домам и старайтесь вести себя лучше». Тогда элита русской гвардии, высшие офицеры, покинули квартиру генерал-губернатора в негодовании и возмущении.

В ночь на 12 марта 1801 года группа подвыпивших заговорщиков под предводительством Платона Зубова ворвалась в императорскую спальню Михайловского замка и на повышенных тонах предложила Павлу I отречься от императорской власти, при этом предъявив ему письменное согласие его сына Александра занять место родителя на царском троне. В завязавшейся потасовке заговорщики набросились на Павла толпой, и император «таким образом был задушен и задавлен, а многие из стоящих сзади очевидцев даже не знали в точности, что происходит», – так впоследствии свидетельствовал один из непосредственных заговорщиков.

Прибежавший на крик царского лакея поручик Полтарацкий с солдатами на верхней площадке Михайловского замка обнаружил генерал-губернатора Палена, спокойно объявившего им, что «государь скончался апоплексическим ударом. Теперь у нас новый император, Александр Павлович!».

Через несколько дней граф Пален в своих парадных покоях в доме купца 1-й гильдии А. И. Перетца устраивает пышный обед, на котором присутствуют первоначальствующие лица Петербурга и главные деятели государственного заговора (около 100 персон). Участники торжества единодушно отметили, «что обед прошел „оживленно и весело“».

Однако новый император Александр I не мог переносить присутствия в своем окружении людей, осведомленных о подробностях убийства его отца. 4 апреля 1801 года генерал-губернатор граф Пален был уволен «за болезнью от всех дел и обязанностей» и выслан из столицы в свое курляндское имение Эккау, где и жил безвыездно.

Согласно архивным документам, в 1806 году бывшим особняком дворцового типа, некогда построенным генерал-полицмейстером Н. И. Чичериным, владел уже новый хозяин. В начале XIX столетия дом у негоцианта А. И. Перетца приобрел представитель известного старинного купеческого рода Андрей Иванович Косиковский, начавший свою коммерческую деятельность еще при императрице Екатерине Алексеевне, заработавший огромное состояние на выгодных откупках и ставший одним из первых купцов, возведенных в высокое сословие потомственных почетных граждан.

Особняк Н. И. Чичерина. 1830-е годы. Фрагмент Панорамы Невского проспекта В. С. Садовникова. Раскрашенная литография

Знаменитый петербургский особняк являлся любимым домом Андрея Ивановича и приносил ему немалые доходы от арендаторов жилых покоев или хозяйственных помещений «дома с колоннами». В частности, «Санкт-Петербургская адресная книга», изданная в 1809 году в типографии Реймерса, информировала жителей столицы о том, что в доме Косиковского располагается «Модный магазин» английских купцов Ренни, прибывших в Петербург в конце XVIII столетия из Риги. Кстати, прекрасной торговой рекламой этому магазину в 1812 году стал единственный брат в семействе потомственных британских купцов – Роман (Роберт) Егорович Ренни, герой Отечественной войны 1812 года, завершивший военную кампанию в чине генерал-майора.

В 1810 году именитый столичный мещанин А. И. Косиковский по проекту зодчего В. П. Стасова возвел огромный четырехэтажный особняк на Большой Морской улице, 14, плотно примыкавший к основному строению дома Н. И. Чичерина. Массивный портик на втором этаже нового здания был украшен двенадцатью ионическими колоннами.

Сдавая в аренду приобретенное у банкира и купца Перетца строение, А. И. Косиковский продолжал заниматься покупкой крупных доходных домов и скупкой земельных незастроенных городских участков или наделов с небольшими одноэтажными и двухэтажными зданиями, на которых предприимчивый купец возводил многоэтажные доходные дома в модных архитектурных стилях, с хорошей отделкой и удобными квартирами, спроектированных лучшими зодчими Петербурга.

Дом Косиковского. Корпус по Большой Морской улице. Современная фотография

Состоятельный откупщик А. И. Косиковский так же, как его предшественник по владению домом Н. И. Чичерина А. И. Перетц, в период Отечественной войны 1812 года активно участвовал в снабжении русской армии продовольствием и амуницией.

Дом купца Косиковского после капитальной перестройки был рассчитан не только на семьи с высоким уровнем дохода и лиц, занимавших высокое государственное положение, но и на выгодную сдачу помещений различным торговым и общественным организациям Санкт-Петербурга. В пристроенном к основному зданию четырехэтажному особняку по Большой Морской улице, парадный фасад которого архитектор В. П. Стасов в 1810-х годах спроектировал в духе высокого классицизма, в начале 1820-х годов расположился знаменитый ресторан «Talon», в котором в те времена существовала прекрасная кухня, удовлетворявшая гастрономические вкусы самых взыскательных клиентов. Его владельцем тогда являлся знаменитый французский ресторатор П. Тальон. А. С. Пушкин, бывавший в этом ресторане неоднократно, увековечил его в своем знаменитом романе в стихах «Евгений Онегин». Герой пушкинского романа Онегин пиршествовал в «Талоне» вместе с Петром Павловичем Кавериним, ветераном Отечественной войны 1812 года и другом Александра Сергеевича Пушкина:

К Talon помчался: он уверен,
Что там уж ждет его Каверин.
Вошел: и пробка в потолок,
Вина кометы брызнул ток,
Перед ним roast-beef окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,

И Стразбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым...

В светском столичном обществе гусарского боевого офицера П. П. Каверина знали как любителя лихих кутежей и дуэлянта, забывая при этом, что он был высокообразованным человеком и талантливым поэтом, почитаемым в литературной среде и среди знаменитых русских писателей.

Его близкий приятель А. С. Пушкин восторженно писал о нем:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель,
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.

Постоянными клиентами знаменитого столичного ресторана бывали многие известные писатели и поэты тех далеких лет. Русский поэт и друг А. С. Пушкина Антон Антонович Дельвиг даже посвятил знаменитому поэту Е. А. Баратынскому стихотворение «К ресторатору Талону».

В 1825 году хозяин ресторана «Talou» уехал во Францию. После отъезда его детище перешло к французу А. Фельету, открывшему в части старого заведения кондитерскую «Виолета». После закрытия ресторана «Talou» в его апартаментах расположилось также «Справочное место», просуществовавшее около 10 лет.

Адресная книга Петербурга поместила объявление по этому поводу, указав, что «„Справочное место“ находится у Полицейского (Зеленого) моста в доме купца Косиковского и открыто ежедневно с 9 утра, зимой до 9 вечера, а летом до захода солнца». Учреждение в те времена выполняло функции биржи труда, являясь своеобразной конторой по найму на работу.

В 1825 году «Санкт-Петербургские ведомости» информировали столичных жителей: «В доме купца Косиковского отдаются в наем два жилых этажа: весь бельэтаж – 25 покоев о 34 окнах на улицу, 2 парадные лестницы, 4 балкона, большой зал, в котором прежде было Большое танцевальное собрание и от Дирекции императорских театров давались маскарады. Сей бельэтаж весьма удобен для жительства знатной особы или какого-либо собрания». Одновременно с бельэтажем тогда же сдавался в аренду весь верхний этаж, в котором располагалось более 60 удобных покоев.

В 1825–1826 годах в доме купца Косиковского демонстрировалась «для широкого обозрения модель столичного города Санкт-Петербурга, общим размером 40 на 23 метра, изготовленного венецианским предпринимателем и дворянином Антуаном де Росси, получившего официальную привилегию на создание модели Санкт-Петербурга в 1/200 его натуральной величины».

«Северная пчела» с восторгом писала на своих страницах о творении де Росси: «...невозможно описать, с коим совершенством исполнены все мельчайшие подробности архитектурной части».

Однако заметим при этом, что в действительности непосредственным проектировщиком и основным руководителем всех уникальных работ по сборке оригинальной модели города оказался талантливый молодой итальянский архитектор Альберт Кавос – будущий знаменитый зодчий Северной столицы. Русский библиографический словарь по поводу демонстрации публике модели Петербурга не преминул отметить, что «Архитектор Кавос получил тогда из Главного штаба план Санкт-Петербурга и в 1820-х годах, руководствуясь

им, изготовил рельефный план русской столицы и демонстрировал его не только в Петербурге, но и в Берлине, и в Париже». «Северная пчела» писала: «Модель для удобства сборки состояла из отдельных частей и в окончательном собранном виде поражала всех своими огромными размерами. При этом фасады домов архитектор изготовил из прочного картона, а кровлю из свинца. При этом река Нева и прочие водоемы города, смонтированные из жести, были заполнены водой». Несмотря на восторженные отзывы столичных средств массовой информации, желающих увидеть модель оказалось немного. Причин к тому было достаточно: высокая цена за вход на выставку (5 рублей с персоны), смерть императора Александра I и, наконец, тревожные дни восстания декабристов на Сенатской площади. Поэтому владелец панорамы Антуан де Росси разобрал выставленную модель и перенес демонстрацию в европейские столицы, где ее следы, к сожалению, со временем пропали.

Альберт Катаринович Кавос

В 1820-х годах в доме Косиковского обосновался предшественник современного кинематографа, называвшийся в те далекие времена «Театром света», или, иначе, «Театром мира». Газета «Санкт-Петербургские ведомости» немедленно опубликовала статью по поводу этого события, отмечая, что «в „Театре света“ зрители, не перемняя мест своих, могли видеть Европу, Азию, Африку и даже Америку». Причем газета с восхищением объ-

являла своим читателям, что «оптическое очарование, стеклом производимое, столь совершенно, что каждый зритель полагает, что он сам переносится в те замечательные страны, кои видит». Владелица этого нового столичного зрелищного заведения, некая госпожа Латур, в расклеенных по городу афишах любезно приглашала столичных жителей посетить ее волшебный театр в доме купца Косиковского, называя свой «иллюзион» почему-то «Номосинкло-географией».

Через несколько лет это же помещение некоторое время арендовал предприимчивый владелец «Диафонограммы», или «Галереи прозрачных картин», демонстрирующей на экране 30 красочных видов Швейцарии и Франции, написанных живописцем Кенигом из швейцарской столицы – Берна. При этом редкие сюжеты швейцарских и французских Альп демонстрировались во время сеанса в сопровождении приятной музыки.

В истории столичного издательского дела и распространения петербургской книжной продукции первой половины XIX века особой репутацией пользовалась известная типография и книжная лавка Плюшаров, арендовавших четвертый этаж дома А. И. Косиковского. Вход в типографию и книжную лавку располагался со стороны Невской перспективы, неподалеку от места пересечения реки Мойки с главной магистралью города.

Основатель знаменитой петербургской типографии и одной из лучших столичных книжных лавок Александр Иванович Плюшар (1777–1827), выходец из Брауншвейга, был приглашен в русскую столицу из Германии, где имел солидную печатню, с целью организации типографии Министерства иностранных дел. Знаток издательского дела и талантливый литограф, он прослужил три года руководителем типографии Иностранной коллегии (1805–1808 гг.), а затем возглавлял Сенатскую типографию (1808–1814 гг.). Одновременно с ответственной государственной деятельностью, являясь блестящим рисовальщиком и литографом, А. И. Плюшар в арендованном им четвертом этаже дома купца А. И. Косиковского в 1806 году открыл собственную типографию и прекрасную книжную лавку. Его типография считалась одной из лучших в Северной столице. Особенно большим спросом в те годы пользовались альбомы Плюшара с видами Санкт-Петербурга, зарисовки столичных улиц и жанровые уличные сцены города первой четверти XIX века, работы художников А. Е. Мартынова, А. О. Орловского, П. А. Александрова, К. И. Кольмана и других талантливых живописцев, чьи замечательные произведения вошли в состав нескольких прекрасных художественных альбомов из серии «Новые виды Петербурга и его окрестностей», выпущенных типографией Плюшара. В 1826 году владелец типографии издал блестящий художественный альбом «Русские с натуры, литографированные Александром Орловским». Альбом содержал литографии, в которых внимание талантливого художника было сосредоточено на реальных типажах жителей столицы в их повседневной бытовой и профессиональной деятельности той далекой эпохи. В один из альбомов Плюшара вошли многие акварельные и литографированные виды столицы, выполненные художником К. И. Кольманом, в том числе и его акварель «14 декабря 1825 года на Сенатской площади», свидетельствовавшая о событиях декабрьского восстания.

В 1827 году Александр Плюшар скончался во Франции, а дело его в типографии и книжной лавке с успехом продолжила вдова. С 1831 года типография стала официально именоваться «Вдова Плюшар с сыном». Со временем издательская деятельность типографии и торговля книжной продукцией стали всецело находиться в руках Адольфа Плюшара и его помощника – родного брата, Евгения Плюшара. Сыновья Александра Плюшара – Адольф и Евгений – получили прекрасное образование в одном из частных пансионатов русской столицы. Евгений в 1839 году становится академиком живописи и принимает активное участие в росписи Исаакиевского собора, а в 1850-х годах является владельцем одного из первых фотографических заведений Санкт-Петербурга.

В 1850-х годах старший сын А. Плюшара, Адольф, становится юридическим хозяином знаменитой фирмы своего отца. Скрупулезно изучив типографское искусство в Париже у знаменитого мэтра типографского дела Дидо, он, вернувшись в Россию, так реорганизовал наследственное дело, что его типография считалась лучшей в России. При ней Адольф Плюшар организовал дополнительно собственную литографию и прекрасную словолитню. Во время Петербургской мануфактурной выставки 1832 года типографское дело Адольфа Плюшара удостоили серебряной медали.

В 1834 году в этой типографии напечатали знаменитую «Панораму Санкт-Петербурга», подготовленную к изданию сыном генерал-адъютанта, сенатора и коменданта Петербурга А. П. Башуцким.

Оставив блестящую военную службу, Башуцкий, адъютант генерала Милорадовича, стал свидетелем гибели своего шефа на Сенатской площади 14 декабря и занялся литературой, издательской деятельностью и даже возглавил собственное граверное заведение, в котором вместе с ним работали К. К. Клодт и его ученик Л. А. Серяков.

Задумав издать подробный путеводитель по Северной столице, А. П. Башуцкий издает с помощью Адольфа Плюшара три тома «Панорамы Петербурга», содержащих более 40 замечательных гравюр английского мастера Гоберта, выполнившего заказ по оригиналам тогда еще молодого зодчего А. М. Горностаева – ученика столичного архитектора В. П. Стасова. Правда, российская критика, высоко оценившая «Панораму Петербурга», не преминула отметить, что достоинство включенных в альбом гравюр несколько снижается из-за того, что их гравировал мастер, не знающий специфики особенностей российского города. Вероятно, по этой причине, отмечала критика, жители Санкт-Петербурга в изображении британского гравера Гоберта являли собой полное портретное сходство с типичными лондонцами.

Знаменитая в России частная словолитня Адольфа Плюшара хранила в своих запасах самые разнообразные по рисунку, стилю и размеру декоративные шрифты, обеспечивая любых заказчиков и владельцев многих типографий Российской империи.

Полагают, что именно в типографии Плюшара впервые отпечатали знаменитую живописную «Панораму Невского проспекта» В. С. Садовникова, состоявшую тогда из двух отдельных свитков – солнечной и теневой стороны Невской перспективы от Дворцовой площади до реки Фонтанки, шириной 15 сантиметров и длиной 8 метров. В первой половине XIX века в типографии Плюшара издали книгу А. А. Бестужева-Марлинского «Поездка в Ревель», здесь появились первые издания гоголевских «Арабесок» и «Ревизора», а также прекрасное издание «Фауста» Гёте в переводе русского поэта Э. И. Губера.

В 1832 году у Плюшара напечатали первое отдельное издание «Русских сказок» В. И. Даля, вызвавших тогда недовольство руководства Третьего отделения и самого шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа за якобы содержащиеся в ней насмешки над правительством и жалобы на горестное положение русских солдат. Часть еще нераспроданных «Русских сказок» у книгопродавцев немедленно изъяли и уничтожили, а автора арестовали. Однако, благодаря заступничеству В. А. Жуковского, В. И. Даль был освобожден из-под ареста, но при этом писателю указали на необходимость немедленного выезда из столицы.

Типография Плюшара в 1830–1831 годах частично напечатала на средства А. Ф. Смирдина тираж третьего издания «Истории государства Российского». Адольф Плюшар в конце своей трудовой деятельности увлекся издательским делом. С 1835 по 1845 год он издавал «Энциклопедический лексикон», один из первых капитальных отечественных энциклопедических словарей. За год до этого, в 1834 году, на квартире Н. И. Греча, жившего тогда на набережной Мойки в доме купца Косиковского, состоялось первое учредительное собрание участников проекта этого многотомного труда: А. Х. Востокова, В. Ф. Одоевского, Д. И. Языкова и других авторов «Лексикона». Однако дела по его изданию шли крайне медленно.

Статьи для 40-томного «Лексикона» поступали нерегулярно, с большим опозданием. Установленные сроки выхода очередных томов постоянно срывались. Подписка на «Энциклопедический лексикон» неудержимо сокращалась, а затем и совсем прекратилась. Из сорока запланированных томов энциклопедии вышло всего семнадцать. Деньги на оплату работ по изданию многотомного труда не поступали, и таким образом лучшая российская типография и издательский дом Адольфа Плюшара пришли к банкротству.

В середине XIX века в части дома Косиковского располагалось «Благородное собрание», в котором выступали знаменитые музыканты и композиторы: Серне, Лист, Мауер, Рубинштейн и др. Из Москвы периодически приезжал знаменитый цыганский хор и выступал перед петербуржцами. Выпускавший знаменитые концертные фортепьяно владелец фабрики музыкальных инструментов Г. Лихтенталь, арендовавший помещение для магазина в доме купца Косиковского, снял здесь большой зал для концертов, в которых предполагалось регулярное участие знаменитых отечественных и европейских музыкантов. Однако идея Лихтенталя реализована не была. Любители серьезной музыки, особенно из числа представителей высшего света, предпочитали посещать музыкальный зал в доме Энгельгардта на углу Екатерининского канала и Невского проспекта, пользовавшийся с давних пор прочной репутацией серьезного столичного музыкального концертного зала, и практически игнорировали приглашения на концерты в особняке купца Косиковского. Одной из причин подобной ситуации, приведшей к краху идеи Г. Лихтенталя, между прочим, считался факт недавнего расположения в зале Косиковского банального Мещанского клуба.

В разные годы в особняке купца Косиковского арендовали квартиры достаточно состоятельные люди, среди которых оказывались и знаменитые исторические деятели, и государственные чиновники.

В корпусе здания, пристроенного к дому в 1821–1825 годах, арендовал квартиру русский писатель, филолог и журналист Николай Иванович Греч (1787–1867). Здесь же, в каменной дворовой пристройке к дому № 15 на Невском проспекте, принадлежащей купцу Косиковскому, Николай Иванович организовал типографию, в которой печатались не только литературная газета Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина «Северная пчела» и совместный журнал «Сын Отечества», но и издания некоторых столичных публицистов. В последние дни уходящего 1822 года К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев, получив разрешение на издание альманаха, отпечатали в типографии Греча первый номер «Полярной звезды». Это была карманная книжка для любителей русской словесности, выглядевшая весьма привлекательно, хорошей печати и довольно изящного формата. Альманах «Полярная звезда» открывался подробным обзором российской словесности от эпохи летописей до последних новинок литературы первой половины XIX столетия. Тираж первой книги альманаха в 1200 экземпляров распродали мгновенно в книжной лавке знаменитого книгопродавца Ивана Сленина, торговавшего тогда в собственном магазине в доме № 30 по Невскому проспекту. Заметим, что Иван Сленин взял на себя все заботы по печатанию и реализации книг, оплачивая из выручки работу типографа и издателей. Авторы же публикаций, вошедших в альманах, не получали никакого гонорара и соглашались довольствоваться лишь моральным удовлетворением.

Два первых выпуска альманаха получили высокую оценку читателей. Чиновник Министерства народного просвещения граф Е. Е. Комаровский отмечал: «Мне кажется, что можно приветствовать новый альманах как чудо».

Круг авторов и читателей «Полярной звезды» был достаточно широким и разнообразным. Успех нового альманаха отметили и при императорском дворе. После выхода третьего издания обе императрицы – супруга Александра I и его мать – милостиво пожаловали издателям альманаха ценные подарки, несмотря на революционный пафос и его направленность, ибо редакторы Рылеев и Бестужев стали наиболее активными участниками Северного общества, постепенно превращая свой альманах в революционный рупор подготовки к декабрь-

ским социальным переменам. Однако Третье отделение, орган государственного политического надзора и сыска, работало довольно четко и эффективно. Менее чем через два года альманах «Полярная звезда» прекратил свое существование.

В его ликвидации, по мнению Рылеева, определенную роль сыграли владельцы типографии Н. И. Греч и его компаньон Ф. В. Булгарин, издававшие совместно русскую политическую газету «Северная пчела» и ежемесячный журнал «Сын Отечества». Оба писателя и журналиста снискали недобрую славу у собратьев по перу. В воспоминаниях знаменитого судебного деятеля А. Ф. Кони упоминаются близкие связи компаньонов с активными сотрудниками и непосредственными руководителями Третьего отделения. Поселившись в 1821 году в доме купца Косиковского, Н. И. Греч стал знаменит своими литературными четвергами. В его квартире каждый четверг регулярно собирались многие представители литературного Петербурга. Бывал здесь и А. С. Пушкин, относившийся к Николаю Ивановичу в разные периоды своей литературной деятельности неодинаково. Мнение Александра Сергеевича Пушкина о журналисте и издателе популярной газеты и журнала Грече менялось вместе с изменением характера, взглядов и принципов радушного организатора «Гречевых четвергов». До дня восстания 14 декабря его знали как либерала и доброго приятеля многих руководителей готовящегося государственного переворота. Ему тогда полностью доверяло большинство известных российских литераторов во главе с А. С. Пушкиным. Н. И. Греч бывал приглашаем к поэту в дом и даже иногда являлся первым. Александр Сергеевич читал ему свои новые произведения и хлесткие эпиграммы на российское правительство. И Николай Иванович относился тогда к Пушкину с несомненной симпатией. В типографии Н. И. Греча вышли в свет две первые книги молодого поэта – «Руслан и Людмила» и «Кавказский пленник». В литературоведческих работах Н. И. Греча, опубликованных в те годы, им высказывалась весьма высокая оценка первых пушкинских поэм. Н. И. Греч даже специально принес для публичного чтения на одно из заседаний Вольного общества любителей российской словесности поэму А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Николай Иванович Греч

В 1822 году в книге «Опыт краткой истории русской литературы» он в лаконичной биографической справке отмечал у А. С. Пушкина «необыкновенный дух пиитический, воображение и вкус».

Фаддей Венедиктович Булгарин

После же разгрома восстания на Сенатской площади перед литературным Петербургом предстает совершенно другой облик издателя «Северной пчелы» и журнала «Сын Отечества». Н. И. Греч резко переменил свою прежнюю позицию и даже снискал расположение тогдашнего шефа жандармов Бенкендорфа. В марте 1830 года в «Северной пчеле» Н. И. Греч публикует пасквиль своего партнера по издательству – Булгарина, в котором Пушкин называется автором произведений, «лишенных мысли, возвышенного чувства и истины». Друзья-издатели Греч и Булгарин теперь дружно упрекают поэта в том, что он якобы «чванится перед чернью вольнодумством и тишком ползает у ног сильных, чтобы те позволили

ему нарядиться в штатный золотой кафтан...». С этого начинается совершенно иной период взаимоотношений А. С. Пушкина и поэтов его круга с парой Булгарин – Греч, пытавшихся превратить прогрессивную русскую литературу в послушное орудие Зимнего дворца.

Кстати, Фаддей Венедиктович Булгарин так же, как его приятель и компаньон Николай Иванович Греч, первоначально держался весьма демократических либеральных взглядов, но после восстания декабристов вдруг занял открыто верноподданническую позицию и присоединился к числу беспринципных литературных осведомителей Третьего отделения. Оба компаньона теперь с гордостью считали себя придворными издателями газеты «Северная пчела», главным редактором и цензорами которой тогда по сути являлись русский император Николай I и руководители Третьего отделения, не позволявшие этому печатному столичному органу публиковать любые материалы либерально-демократического толка. Степень контроля императора и главы Третьего отделения над изданиями верноподданных компаньонов порой доходила до абсурда. Как-то Ф. В. Булгарин был вызван на ковер к заместителю начальника Третьего отделения графа А. Х. Бенкендорфа генералу А. В. Дубельту, учинившему дрожащему от страха Булгарину страшный разнос по поводу публикации статьи о непостоянстве и некоторой вредности для здоровья столичного населения петербургской погоды. За эту «либеральную выходку» Николай I грозился закрыть газету. Не дав Булгарину возможности пояснить и оправдаться о смысле опубликованной небольшой газетной статейки, генерал Дубельт, стуча по столу своим массивным кулаком, кричал перепуганному издателю: «Климат царской резиденции бранишь, негодяй! Смотри у меня!..».

Великий императорский гнев собратья по перу Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч испытали на себе со страхом в другой раз, когда оба могли в одночасье лишиться не только газеты и журнала, но и оказаться «в местах не столь отдаленных». Женский угодник Ф. В. Булгарин тогда опубликовал в «Северной пчеле» балладу русской писательницы и поэтессы графини Евдокии Петровны Ростопчиной «Насильный брак», в которой она откровенно намекала на раздел Польши и присоединение ее частей к России. Главными фигурантами поэмы являлись некий барон и взятая им насильно супруга. Из баллады откровенно «торчали уши» героев, олицетворявших в лице разбойного барона Российскую империю, а в хрупкой и беззащитной супруге вырисовывалась тогда Польша. Скандал разразился невероятный. Теперь император Николай Павлович в великом гневе стучал кулаками, даже отдал распоряжение о немедленном закрытии журнала и потребовал при этом сурового наказания его издателей. С огромным трудом директору Третьего отделения графу А. Х. Бенкендорфу удалось уговорить царя не закрывать «придворный журнал», мотивируя свою персональную просьбу тем, что Булгарин не понял подлинного скрытого смысла замечательной поэмы графини Ростопчиной. Николай Павлович с трудом согласился с доводами своего любимца, но напоследок все же заявил Александру Христофоровичу довольно остроумно: «Если он (Булгарин. – Г. З.) не виноват как поляк, то виноват как дурак!»

В столичных литературных кругах теперь все питали к Н. И. Гречу и Ф. В. Булгарину самое глубокое признание и неприязнь. Их буквально осыпали потоком весьма язвительных и острых эпиграмм. С остроумного высказывания А. С. Пушкина в адрес Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина их стали называть «братья-разбойники». На торжественном обеде в новой редакции издателя А. Ф. Смирдина А. С. Пушкин увидел, что добрый знакомый цензор Семенов был посажен за торжественный стол между Гречем и Булгариным. Развеселившись, Александр Сергеевич во всеуслышание громко воскликнул тогда: «Ты, брат Семенов, точно Христос на Голгофе». Всем было хорошо известно, что, согласно библейскому рассказу, на Голгофе установили три креста, на которых распяли Иисуса Христа вместе с двумя разбойниками. При этом крест Спасителя располагался посередине.

Авторитет и тиражи изданий «братьев-разбойников» благодаря критике А. С. Пушкина и писателей его круга стали снижаться.

В 1840-х годах В. Г. Белинский уничтожил Булгарина и Греча как публицистов. Он весьма прямолинейно и образно охарактеризовал тогда Н. И. Греча: «Это литературный Ванька-Каин, человек, способный зарезать отца родного и потом плакать публично над его гробом, способный вывести на площадь родную дочь и торговать ею... Это грязь, подлость, предательство, фискальство, принявшее человеческий образ». Лишь император Николай I продолжал с удовольствием заявлять про «Северную пчелу»: «Моя газета!»

В 1825 году в квартире Н. И. Греча в доме А. И. Косиковского некоторое время проживал Вильгельм Карлович Кюхельбекер, однако поэт демократического направления и декабрист, поняв суть «братьев-разбойников» и узнав об их связях с Третьим отделением, поспешил уехать из опасного дома.

Весной 1828 года в доме Косиковского снял квартиру Александр Сергеевич Грибоедов, автор знаменитой комедии «Горе от ума». Хотелось бы заметить, что этому счастливому событию в жизни русского писателя, поэта и драматурга предшествовала целая полоса тревожных жизненных коллизий, сопровождавшихся арестом А. С. Грибоедова, тенденциозным допросом, очными ставками и огульными обвинениями в его причастности к тайному обществу, готовившему восстание на Сенатской площади. Прямых улик у следствия против Грибоедова не было, а арестованные декабристы на допросах, спасая автора бессмертной комедии, полностью отрицали его причастность к тайному обществу. Между тем автор книги «А. С. Грибоедов и декабристы» Милица Васильевна Нечкина уверенно отмечала, что, когда много лет спустя у ближайшего друга писателя А. А. Жандра спросили о действительной степени участия Грибоедова в заговоре 14 декабря, тот не задумываясь ответил: «Да какая степень? Полная!».

Писатель Александр Сергеевич Грибоедов

Следственной же комиссии в итоге после допросов А. С. Грибоедова пришлось наконец вынести решение о невинности обвиняемого и признать, что он «не принадлежал к обществу и о существовании оно не знал».

Автор исследования столь сложного периода жизни писателя М. В. Нечкина также отмечала, что, несмотря на «очистительный лист» подозреваемого, он по личному распоряжению Николая I все же пробыл в заключении еще четыре месяца. Автор исследования считала, что «подобная императорская предусмотрительность была связана с близостью поэта

к генералу Ермолову, которого царь не преминул подозревать в организации военного антиправительственного заговора в Закавказье».

В июле 1826 года началась война России с Турцией и Персией, поэтому ведавший «дипломатическими сношениями» с этими странами полномочный секретарь коллежский асессор Грибоедов по распоряжению министра иностранных дел должен был срочно выехать на Кавказ и немедленно приступить к своим непосредственным профессиональным обязанностям, чтобы затем с триумфом вернуться вестником мира с Персией.

15 марта 1828 года столичная газета «Северная пчела» с восторгом писала: «Вчерашний день, 14-й сего месяца, прибыл сюда коллежский советник А. С. Грибоедов с мирным трактатом, заключенным с Персией 10 февраля в Туркманчае. Немедленно за сим 201 пушечный выстрел с крепости возвестил столице о сем благополучном событии – плоде достойных воинских подвигов и дипломатических переговоров, равно обильных блестящими последствиями».

Грибоедов снял квартиру в доме Косиковского, расположенном неподалеку от здания Министерства иностранных дел. Здесь он провел свой послевоенный отпускной период. В заключении привезенного Туркманчайского мирного договора опытный дипломат сыграл выдающуюся роль. Его ждала «высочайшая аудиенция», пожалованный Николаем I чин статского советника, орден Св. Анны II степени с алмазами и солидное денежное вознаграждение. Грибоедов привез русскому императору долгожданный договор о переходе к России обширных закавказских территорий и выплате контрибуции в 20 миллионов рублей. В сопроводительном письме к царю генерал Паскевич рекомендовал Грибоедова как «отличного, усердного и опытного в здешних делах чиновника, полезным и по политическим делам». И вот бывший подследственный, подозревавшийся в государственном заговоре и причастности к событиям на Сенатской площади русский дипломат Грибоедов в Зимнем дворце торжественно вручил царю текст Туркманчайского договора. Кроме пожалованного генеральского чина, ордена государь наградил дипломата 4000 золотыми червонцами. В отпускной период Грибоедов ежедневно приглашался на светские приемы, пышные парадные обеды, находясь целыми днями в разъездах. Он вновь встретился со своими друзьями, но особенно часто Александр Сергеевич бывал у Пушкина, Жуковского и Вяземского. Квартира Грибоедова в доме купца Косиковского была обставлена довольно скромно. Украшением парадной комнаты являлся замечательный концертный рояль, характеризующий талантливого дипломата, поэта и драматурга как прекрасного музыканта и композитора – автора популярного лирического вальса.

Пробыв в столице около четырех месяцев, статский советник А. С. Грибоедов отправился в качестве российского полномочного министра в Персию. 30 января 1829 года его убили в Тегеране.

Известие о зверском истреблении в Персии русской дипломатической миссии получили в Петербурге в марте 1829 года. Российское правительство считало, что «тегеранская катастрофа в конце января носила характер политического акта и стала результатом дипломатического иностранного заговора», но из политических соображений вынуждено было признать, что «шах персидский и наследник престола чужды гнусному и бесчеловечному умыслу и что сие происшествие должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова, не соображавшего поведение свое с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской». Российская империя вела тогда войну с Турцией, старалась сохранить нейтралитет с Персией и поэтому вынуждена была отказаться от решительных ответных мер.

До своей трагической гибели Грибоедов женился на дочери грузинского поэта Нине Александровне Чавчавадзе, оставшейся через пять месяцев вдовой. Ей не суждено было стать матерью, ибо родившейся раньше срока сын умер через час после появления на свет.

Но его все же успели крестить, дав имя убитого отца. Нина Александровна похоронила супруга в Тифлисе, в монастыре Св. Давида.

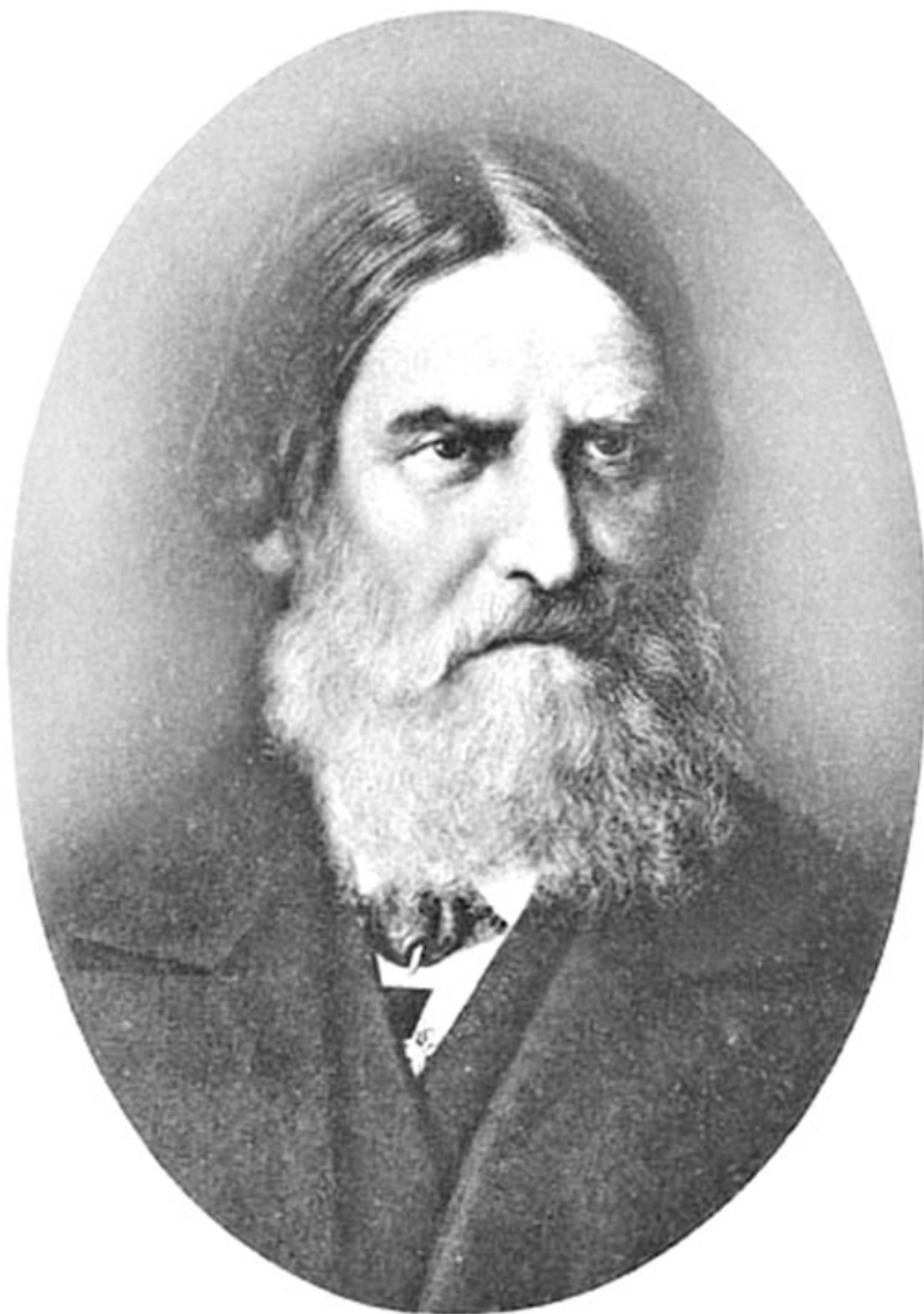
На фасаде бывшего особняка купца Косиковского в XX веке установили памятную доску из красного гранита с бронзовым барельефом писателя работы скульптора Т. С. Кирпичникова, возобновленную на доме в 1961 году.

После смерти в 1838 году одного из первых столичных коммерсантов столицы потомственного почетного гражданина Андрея Ивановича Косиковского наследниками его огромных богатств становятся сыновья – Александр, Валентин, Владимир и Всеволод, занимавшие к этому времени важные государственные посты и возведенные в звание потомственных дворян. На семейном совете братья единодушно решили не принимать на себя коммерческие обязанности своего покойного родителя, а выгодно распродать движимое и недвижимое имущество и поровну разделить полученные от продажи деньги. В числе предназначенных к продаже земельных участков и домов значился и огромный по своим размерам надел с великолепными домами, расположенными на набережной реки Мойки, Невском проспекте и Большой Морской улице.

Желающих приобрести недвижимость богатейшего купца Косиковского оказалось предостаточно. В те годы купцы и иные предприниматели столичного города начали успешно вкладывать огромные деньги в недвижимость и особенно доходные дома, быстро окупающие финансовые расходы, затраченные на их приобретение, и стабильно приносящие впоследствии немалую денежную прибыль. Население Петербурга ежегодно возрастало, и потребность в квартирах самого различного уровня удобств, размера и стоимости неуклонно увеличивалась с каждым днем.

Знаменитый участок с жилыми домами у наследников купца А. И. Косиковского в 1858 году купили знаменитые столичные коммерсанты братья Григорий и Степан Петровичи Елисеевы – представители богатейшей купеческой семьи, активные компаньоны Торгового дома «Братья Елисеевы». Позднее Григорий Петрович Елисеев перебрался на Васильевский остров, где руководил работой коммерческих предприятий знаменитой фирмы, а участок Косиковского со всеми зданиями достался Степану Петровичу, оставаясь в его владении вплоть до Октябрьского переворота 1917 года.

Возглавляя с братьями крупное российское предприятие, Торговый дом «Братья Елисеевы», Степан Петрович приобрел широкую известность как щедрый благотворитель, являясь членом совета попечительства о домах трудолюбия, работных домах, богаделен и призрения больных и бедных. Будучи энергичным предпринимателем, щедрым благотворителем и общественным деятелем, он являлся также знаменитым меценатом и коллекционером. Сегодняшние экспонаты творения французского скульптора Родена, демонстрируемые в Государственном Эрмитаже, некогда являлись гордостью домашней коллекции собирателя С. П. Елисеева.

Степан Петрович Елисеев

Ставший полновластным владельцем участка с тремя массивными каменными зданиями, выходившими парадными фасадами на набережную реки Мойки, Невский проспект (№ 59/15) и начало Большой Морской улицы, Степан Петрович в 1859–1870-х годах неоднократно предпринимал сложную капитальную перестройку зданий, приглашая при этом известных петербургских архитекторов.

В разные годы С. П. Елисеев полностью перестраивает дома, построенные некогда на доставшемся ему отцовском земельном наделе в центральном районе Северной столицы. Зодчие изменяют здания в соответствии с желаниями и вкусом нового хозяина, превращая их в изысканные особняки дворцового типа, украсившие центральные магистрали города и набережную правого берега реки Мойки. В период этапных перестроек и ремонтных работ велись реконструкции внутренних интерьеров строений с использованием образцов самых разнообразных стилей – от пышного барокко, рококо, французского ампира и ренессанса до модной эклектики и модерна.

Во всех зданиях, помимо квартир различной комфортности, разного размера и, естественно, арендной стоимости, первые этажи всех зданий регулярно арендовались владельцами элитных магазинов, фруктовых лавок, модных ателье и различными издательствами.

В роскошных залах особняков и их парадных помещениях, утративших почти полностью в результате перестроечных работ свой первоначальный вид, теперь открывались общественные клубы, литературные салоны, Благородное собрание и даже коммерческий банк.

С января по июнь 1826 года С. П. Елисеев стал сдавать в аренду парадные помещения первому столичному шахматному клубу, предварительно получив на это разрешение генерал-губернатора Петербурга князя А. А. Суворова, внука великого русского фельдмаршала А. В. Суворова. Игра в шахматы тогда прочно вошла в моду и пользовалась огромным успехом у столичной интеллигенции и представителей высшего света. Поэтому неудивительно, что прошение об открытии подобного общественного клуба вместе с владельцем особняка охотно подписали многие солидные почтенные люди Санкт-Петербурга. Однако, удовлетворяя это прошение, генерал-губернатор, вероятно, не учитывал довольно сложную политическую ситуацию в стране в тот период. В России тогда сложилась довольно напряженная политическая ситуация после процесса освобождения крестьян от крепостной зависимости и возрастала активность отдельных политически неблагонадежных людей, предлагавших новые революционные реформы, касающиеся улучшения положения в стране освобожденных крепостных. Позже оказалось, что инициаторами организации в доме купца Елисеева шахматного клуба являлись два опасных и неблагонадежных человека – Н. Г. Чернышевский и Н. А. Некрасов, предполагавшие превратить со временем этот клуб в активный центр общественной и политической жизни «фрондерской» петербургской интеллигенции.

На торжественном открытии шахматного клуба в доме № 15 на Невском проспекте присутствовали известный либеральный деятель того времени граф Г. А. Кушелев-Безбородко, известный социолог, один из идеологов революционного народничества, будущий редактор журналов «Вперед» и «Вестник Народной воли» П. Л. Лавров и активные члены подпольной революционной организации «Земля и воля» братья Василий и Николай Степановичи Курочкины, критик Д. И. Писарев и известный писатель В. В. Крестовский.

Шахматный клуб сразу же входит в орбиту особого наблюдения подозрительных общественных столичных объектов сотрудников Третьего отделения полиции, так как он действительно превращается в явочное место встреч революционно настроенной интеллигенции столичного города. Под видом игры в шахматы члены этого необычного общества на самом деле регулярно обсуждали довольно острые политические государственные проблемы в России, критиковали правительство и его вероломную деятельность. В шахматном клубе составлялись и обсуждались проекты антигосударственных прокламаций и велась энергичная подготовка к многотысячной антиправительственной демонстрации в дни празднования 1000-летия Российского государства. Охранное отделение считало, что именно в шахматном клубе проводилась интенсивная организация массовых студенческих беспорядков весной 1862 года.

Третье отделение, располагая неоспоримыми документами и свидетельствами, считало незамедлительным и необходимым признать шахматный клуб с большинством его членов «преступной организацией, распространяющей вредоносные непозволительные суждения и призывы».

9 июня 1862 года «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовали решение столичного генерал-губернатора о ликвидации в доме купца Елисеева антиправительственной революционной организации, активно действующей под вывеской «Шахматный клуб»: «Петербургский военный генерал-губернатор считает своей обязанностью принимать все меры к прекращению встревоженного состояния умов и признает необходимым закрыть, впредь до усмотрения, шахматный клуб».

Завершив в 1870 году очередную сложную перестройку бывшего дома с колоннами (наб. р. Мойки / Невский пр., 59/15) по проекту архитектора Н. П. Гребенки, переделавшего на главном фасаде здания овалы окна в прямоугольные, а исторические колонны первого этажа заменившего пилонами, владелец при внутренней перепланировке особняка Чичерина предусмотрел капитальную перестройку торжественного зала, в котором тогда вновь разместилось Благородное собрание, ранее называвшиеся Американским клубом, а позже, с 1845 года, – Благородным танцевальным собранием. При всем многообразии форм и методов его работы, по мнению современников, Благородное собрание в доме С. П. Елисеева за свою почти двухвековую историю сыграло в жизни столичного города важную культурную роль. Его помещение оказалось удобным для организации самых различных культурно-просветительных мероприятий. Почетными членами Благородного собрания в разные периоды времени состояли весьма любопытные персоны, среди которых числились русский поэт и друг А. С. Пушкина П. А. Вяземский; начальник штаба Отдела корпуса жандармов и управляющий Третьим отделением Л. В. Дубельт; редактор газеты «Северная пчела» и журнала «Сын Отечества» Ф. В. Булгарин; писатель А. В. Кукольник; меценат, скульптор, директор Императорских театров, министр Департамента уделов, член Государственного совета, владелец и строитель усадьбы «Архангельское» князь Н. Б. Юсупов; петербургский градоначальник генерал Ф. Ф. Трепов и многие другие государственные и общественные деятели.

При этом следует отметить, что членами и гостями этого элитного клуба, в соответствии с его уставом, могли быть только «лица благородного звания и почетного купечества». В порядке исключения в него принимались некоторые художники, артисты Императорских театров и почему-то дантисты (другие врачи уставом не допускались). По этому поводу столичная «Северная пчела» с неудовольствием отмечала, что Благородное собрание находится в изолированном положении и среднему сословию, согласно его уставу, вход в него воспрещен.

В него вначале приезжали потанцевать, отужинать и поиграть в карты. Между прочим, именно в его стенах зародилась в России многолетняя страсть к игре в преферанс. Никаких особых целей и задач Благородное собрание не имело.

Благородным собранием именовалось не только потому, что в него принимались лица дворянского происхождения. В его уставных правилах существовало обязательное требование, запрещавшее «любые разговоры и предосуждения веры, правительства или начальства», считавшиеся нетерпимыми в стенах этого элитного клуба и являвшиеся примером дурного тона.

Мария Гавриловна Савина

В зале Благородного собрания позже проводились замечательные литературные вечера и благотворительные концерты.

14 декабря 1878 года здесь выступал с чтением своих новых произведений Ф. М. Достоевский. 21 ноября 1880 года Федор Михайлович на вечере в зале Благородного собра-

ния, посвященном Н. В. Гоголю, с изумительным мастерством чтеца выступил с декламацией отрывков из поэмы «Мертвые души».

9 и 16 марта 1879 года на литературном вечере Благородного собрания в пользу Общества вспомоществования нуждающимся российским литераторам и ученым выступал с чтением «Бурмистра» и рассказа «Бирюк» И. С. Тургенев. Выступление русского писателя было высоко оценено зрителями. Восторженными овациями публика сопровождала сцены из «Провинциалки» в исполнении талантливой актрисы Александринского театра Марии Гавриловны Савиной.

25 апреля 1909 года в Благородном собрании состоялся вечер по случаю 35-летия первого выхода на сцену этой великой русской актрисы. После спектакля по пьесе А. С. Суворина «Татьяна Репина», в котором участвовали Е. И. Тиме, М. Н. Монсветова, Л. А. Чижевская, А. И. Долинов, И. К. Самарин-Эльский и другие знаменитые актеры Императорского театра, Савиной поднесли роскошные цветы с надписью на золотой ленте: «Первейшей русской актрисе, которая 35 лет назад впервые выступила в Петербурге в Благородном собрании».

Афиша концерта Анастасии Вяльцевой

В 1910 году в собрании с блеском выступила легендарная Анастасия Вяльцева со своими знаменитыми романсами и песнями. «Несравненная» певица вынуждена была подчиниться настойчивым просьбам своих почитателей и по их требованию исполнить тот или иной романс.

И еще одна любопытная подробность в истории Благородного собрания: в его стенах началась карьера легендарного столичного предпринимателя и знаменитого антрепренера,

короля веселящегося Петербурга Петра Вионоровича Тумпакова. Поступив лакеем в Благородное собрание, он вскоре за расторопность и услужливость производится в «тафели» – метрдотели ресторана этой дворянской сословной организации. Ресторан Благородного собрания славился своей кухней и знаменитыми поварами. Когда же знаменитый кулинар и повар Благородного собрания Круглов рассердился на замечание обедавшего в зале ресторана провинциального губернатора и в бешенстве выбросил приготовленный им изысканный обед на четыреста персон на помойку, а затем в сердцах хлопнул дверью и навсегда ушел из собрания, совет старейшин этой закрытой элитной организации произвел Тумпакова в экононы – заведующим всем хозяйством Благородного собрания Северной столицы.

Со временем талантливый и предприимчивый Тумпаков стал приобретать торговые заведения столицы, рестораны и даже некоторые театральные зрелищные организации. Задумав организовать в Петербурге для развлечений сад с опереттой, выдающийся предприниматель приобретает на набережной реки Фонтанки участок земли, превращает его в прекрасный сад и возводит в нем знаменитый театр оперетты, для которого ищет талантливых актеров, предлагая им невиданные гонорары. Хозяин знаменитого сада «Летний Буфф» П. В. Тумпаков, несмотря на предположения конкурентов, предсказывавших его ближайшее разорение, продолжал процветать. Его сад становится любимым местом отдыха жителей Санкт-Петербурга, а театр оперетты, в труппе которого играли легендарная Анастасия Вяльцева, талантливый артист Н. Ф. Монахов, ставший позже одним из создателей Большого драматического театра, занимает ведущее место среди зрелищных организаций столицы.

Торжественное открытие «Летнего Буффа» Тумпаков ознаменовал установкой над верандой флюгера с цифрой «1901». На сцене театра шли русская комическая опера, балет и дивертисмент. Вместе с русскими здесь тогда выступали артисты Европы и Америки. Столичный журнал «Театр и искусство» в начале XX столетия с восхищением отмечал: «Первое появление испанки Гуэрреро и русского куплетиста Молодцова высоко ценили зрители, но главной сенсацией неизменно оставалась Анастасия Вяльцева». Ее выступление в «Прекрасной Елене» побудило популярного поэта Петербурга Николая Агнивцева восторженно написать в очередном стихотворении:

Ах, «Летний Буфф»!
Ах, в исступление
До Невского несется «bis»,
Когда там с Вяльцевой в «Елене»
Играет Северский – Парис.

В конце жизни Петр Вионорович Тумпаков, признанный королем столичных развлечений, широко занимался благотворительностью, жертвуя деньги на строительство богаделен, больниц, оказывая материальную поддержку артистам, музыкантам, литераторам и художникам. Постоянным благотворительным взносом предпринимателя являлась денежная выплата «убежищу престарелых артистов – на койку имени артистов Театра Буфф».

Перестраивая бывший особняк генерал-полицмейстера Н. И. Чичерина, коммерсант С. П. Елисеев в 1870 году предусмотрел на втором этаже углового здания офисы коммерческого банка, а в первом этаже Степан Петрович разместил фирменный магазин, который торговал отечественными и заморскими винами из подвалов самого Елисеева.

Нижний этаж этого особняка Елисеева почти полвека арендовали знаменитые столичные торговые предприятия: магазин Везина (торговля перчатками) и известная лавка всевозможных канцелярских принадлежностей купца Сушкина.

Приобретя у наследников А. И. Косиковского участок с тремя каменными зданиями, братья Елисеевы решили строения участка, выходящие на Невский проспект и Большую

Морскую улицу, сдавать в аренду отдельным состоятельным жильцам и организациям. Корпус же бывшего дома Косиковского, обращенного на набережную реки Мойки (дом № 59), они стали перестраивать для себя, по своему вкусу, и затем переселились в него, выехав из старой квартиры покойного батюшки в доме Котомина на Невском проспекте вблизи Зеленого моста.

Наследникам основателя торговой фирмы понравилось тихое и спокойное место на набережной реки, с ее неспешным течением и умиротворяющим покоем. Из окон квартиры открывался замечательный вид на два великолепных старинных дворца, построенных некогда на левом берегу водоема для графов Строгановых и Кирилла Разумовского. Для воплощения в жизнь задумок Г. П. и С. П. Елисеевых вновь был приглашен «семейный» архитектор Н. П. Гребенка, надстроивший трехэтажное каменное здание четвертым дополнительным этажом и внесший существенные изменения в декор фасадов старой постройки. Теперь они были украшены элементами в классической манере, типичной для эпохи середины XIX столетия.

После завершения перестроечных работ и отделки внутренних помещений четырехэтажного флигеля в нем первоначально поселились оба наследника основателя торговой фирмы со своими семьями. Однако в начале 60-х годов XIX столетия, после согласованного раздела унаследованной от отца недвижимости, комплекс зданий, расположенных на набережной реки Мойки, Невском проспекте и Большой Морской улице, переходит в собственность старшего брата – Степана Петровича Елисеева, прожившего на набережной реки Мойки до своей смерти в 1879 году. Комплекс же домов в Центральном районе Петербурга унаследовал его единственный сын – Петр Степанович Елисеев, вышедший через два года из семейного Торгового дома братьев Елисеевых и посвятивший себя карьере финансиста. С 1881 года Петр Степанович становится одним из ответственных руководителей Русского внешнеторгового банка. Так же, как и его родитель, сын активно занимался благотворительностью. Свою дочь, Анну Петровну, банкир выдал замуж за богатого купца столицы конца XIX – начала XX столетий, коммерсанта и общественного деятеля Павла Ивановича Лелянова. Потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии, жених в ранге городского головы возглавлял городское самоуправление вплоть до событий Февральской буржуазной революции 1917 года.

В 1901 году банкир Петр Степанович Елисеев скончался. Его недвижимость, включая семейный дом № 59 на набережной реки Мойки, переходит по наследству внуку Степана Петровича, названного при крещении в честь своего достославного деда.

При этом Степан Петрович Елисеев в 1902 году по проекту зодчего Александра Карловича Гаммершtedта произвел новый основательный ремонт семейного особняка. Этот проект включал не только фасадные работы, но и значительный перечень перестройки убранства интерьеров особняка. Парадный вход в дом устроили в самом дальнем от Невского проспекта участке набережной Мойки. Вход в здание зодчий украсил кованым металлическим козырьком и изящно оборудовал представительным резным дубовым тамбуром. Парадную дверь украшали вырезанная из дерева массивная монограмма «СПЕ» (Степан Петрович Елисеев) и цветные витражи с гравировкой. Гостей дома восхищала дорогостоящая внутренняя отделка комнат особняка редкими сортами облицовочных материалов.

Стены парадного вестибюля украшали массивные резные дубовые панели и красивый камин, облицованный редким коричневым полированным мрамором. Потолок вестибюля художники оригинально декорировали орнаментальной росписью. С этим великолепием удивительно изящно сочеталась парадная лестница с мраморными ступенями, стенами, украшенными лепкой и росписью по штукатурке.

Помещения первого этажа семейного дома Елисеевых на Мойке сдавались в аренду. Личные же покои владельцев особняка располагались на втором и третьем этажах. Комнаты

декорировались художниками, использующими мотивы самых разных исторических времен и стилей.

Приемную устроили в стиле Людовика XVI, рабочий кабинет главы семейства – в стиле французского ампира, парадный зал особняка – в духе барокко, гостиную и будуар супруги выполнили в манере рококо, а помещение столовой – в жанре ренессанса. Отделка помещения библиотеки и спальни зодчим Гаммершtedтом оригинально решена приемами модного в те годы стиля модерн. При отделке внутренних помещений семейного особняка архитектор использовал наиболее дорогие и ценные породы дерева, цветного мрамора редких сортов, кованый металл, бронзу и уникальные цветные витражи. При этом к отделочным работам привлекались исключительно самые известные мастера и фирмы России, Франции, Великобритании. Убранство внутренних покоев дома на Мойке дополнялось уникальной коллекцией произведений французского ваятеля Огюста Родена, собранной сыном основателем Торгового дома Елисеевых Степаном Петровичем.

В 1916 году столичный справочник «Весь Петербург» опубликовал сведения о том, что «в доме со стороны Мойки живут сын и внук покойного Петра Степановича – Степан Петрович и Петр Степанович Елисеевы, потомственные дворяне, члены правления страхового общества „Русский Ллойд“, а также Русского для винной торговли и Торгово-промышленного банков, расположенных на Морской улице...». Данная справка довольно красноречиво свидетельствует, что потомки Степана Петровича Елисеева, вышедшие из семейного Торгового дома Елисеевых, состояли одновременно членами совета Торговой школы и, таким образом, не забывали о торговых делах, возвеличивших некогда их знаменитых предков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.